

Марина Андреева

**ВЕРА
В ЧУДЕСА... ИЛИ
НЕДОБРАЯ СКАЗКА**

Марина Андреева

Вера в чудеса... Или недобрая сказка

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23305014
ISBN 9785448389184*

Аннотация

Я – Кира Велисова, дочь преуспевающего бизнесмена и студентка престижного ВУЗа, жила как в сказке, а потом... мой папа женился. И понеслось: мачеха-стерва, сводные сёстры, смерть отца, а я в разгар зимы оказалась без крыши над головой. Благо, подруги поддержали, в общагу пристроили, да и учёба не оставила времени на печальные мысли. Замкнуться бы в себе, отгородиться от всего мира, спрятавшись за скорлупой неверия, но сердце верит в чудеса, подгоняя навстречу неведомому... надеюсь, что чуду!

Содержание

Глава 1 Начало недоброй «сказки»	5
Глава 2 Тернистый путь к чуду	17
Глава 3 Гадания на суженого	32
Глава 4 Явление суженых	46
Глава 5 Ночь перед Новым годом	55
Глава 6 Предновогодние открытия	68
Глава 7 Нежданный переезд	76
Глава 8 Обретение родни	86
Глава 9 Видимость примирения	100
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Вера в чудеса... Или недобрая сказка

Марина Андреева

© Марина Андреева, 2017

ISBN 978-5-4483-8918-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1 Начало недоброй «сказки»

Если вам скажут, что судьба шутница, – верьте! Ведь это действительно так. И зачастую эти шутки отнюдь не напоминают добрые сказки. Вот и я, некогда избалованная дочь состоятельного бизнесмена, превратившаяся на время в обычную студентку, а потом... Вернее, теперь... расскажу свою историю.

С родными у меня не густо. Ни дедушек, ни бабушек, маму и ту, видела только на фотографиях – она умерла, когда мне ещё и пяти не было. Отец после этого долго не желал ни с кем связывать свою жизнь, и мне казалось, что нам никто и не нужен. Собственно, чего ещё может желать ребёнок, обделённый вниманием матери? Ну, конечно же, чтобы папа всегда был рядом. И он был. По возможности. Да, работал как проклятый, вечно был занят, но я не обижалась, ведь каждую вырвавшуюся свободную минутку он проводил со мной.

Да и грех жаловаться: просторная четырёхкомнатная квартира в уважаемом районе, шикарная дача на берегу залива, благодаря усилиям оплаченных папой репетиторов, элитная школа с углублённым изучением английского и математики окончена с отличием, после чего я без проблем поступила в престижный ВУЗ, а позднее должна буду занять руководящую должность в папиной преуспевающей

компании. Жизнь была расписана как по нотам: стабильная, спокойная. Ничто не предвещало беды.

Но однажды всё изменилось, потому что появилась — *она*. К тому моменту мне только-только исполнилось шестнадцать. Несмотря на рассказы о непонимании подростков и взрослых, я прекрасно осознавала, что отец в свои сорок, всё ещё весьма привлекателен и вовсе не обязан гробить свою жизнь в угоду моим прихотям.

Когда папа впервые привёл Илону в наш дом, я порадовалась тому, что он наконец-то решился на роман. На первый взгляд, женщина произвела приятное впечатление. Выглядела она весьма эффектно: высокая, стройная, одета стильно и со вкусом, идеальная причёска, маникюр, макияж, приятные черты лица, открытая голливудская улыбка... Да что уж там? В ней всё казалось идеальным! Что и немудрено, являясь ни много ни мало папиным деловым партнёром, она могла себе позволить регулярное посещение всяких спа-салонов, тренажёрных залов и бассейнов.

Илона всё чаще навещала нас в гости, нередко засиживаясь допоздна, а порой оставаясь на ночь. Папа поутру жутко смущался, но только слепой мог не заметить, как он светился после этого. Я искренне радовалась за него, желая самому дорогому во всём мире существу — обычного человеческого счастья. Немного грустно было отмечать, как он отдаляется от меня, проводя свободное время с возлюбленной, но я не обижалась и ничего не требовала. И ещё... ещё

меня очень умиляло, когда эта холёная блондинка называла моего папу «зайчиком», а он буквально таял в ответ.

Спустя год отшумела пышная свадьба с огромным количеством приглашённых. И именно там, я ощутила, что что-то не так. Откуда такие мысли? Не знаю. Может напрягли лица присутствующих? Ведь тогда собрались и конкуренты по бизнесу, и чиновники разной руки, жаждущие обзавестись на столь знаменательном событии полезными связями. Все натянуто улыбались, вот только радости явно не испытывали. Их глаза метались туда-сюда, стараясь выхватить в толпе наиболее полезных гостей и отыскать предлог для разговора. Та фальшь, с которой они поздравляли отца вызывала отвращение. И именно тогда Илона впервые показала свой нрав и попыталась поставить меня на место:

– Чего ты встала тут? – вопреки ожиданиям, вместо обычной милой обходительности, холодно прошипела она.

В тот момент я откровенно опешила, и отложила просматриваемый промежду делом их брачный договор.

– Я просто...

– Ты, – это произнесено было так, будто эта фурия в фате ткнула в меня пальцем. – Лезешь не в своё дело.

В тот вечер я настолько растерялась, что так и не нашлась с ответом, на столь странный наезд. Помнится, тогда я списала поведение мачехи на свадебное волнение. Ну а дальше... Дальше она естественно переехала к нам, и в недавно казавшейся огромной квартире – стало тесно. Дело в том,

что у Илоны было две дочери. Одна уже достигла совершеннолетия и осталась жить в квартире матери, а вот младшая, моя сверстница – переехала к нам. В результате, сама Илона, вместо того, чтобы поселиться в комнате отца, переоборудовала гостиную в спальню. В тоже время, мебель и документы из папиного кабинета переместились в дальний угол кухни-столовой, а опустевшую комнату тут же отремонтировали и в ней поселилась моя младшая сводная сестра.

Кстати, все хранившиеся в доме мамины фотографии куда-то исчезли. Не удивлюсь если новая хозяйка отправила их в мусорное ведро. Обидно, конечно, если так. Я даже спрашивала её, но та отнекивается, делая вид, что не имеет никакого отношения к пропаже снимков. Былая мягкость и покладистость мачехи осталась где-то там, на подходе к ЗАГСу. Сейчас же оставалось лишь протирать глаза в попытке получше разглядеть ситуацию и, гадать: то ли я так слепа была, то ли Илона настолько талантливая актриса?

Вместо медового месяца, отец после свадьбы увяз в делах и дома почти не появлялся, чего нельзя было сказать об Илоне. А ведь они к этому моменту успели объединить свои компании и являлись совладельцами! Почему же он вкалывает как проклятый, а она прохлаждается по спа-салонам?! Вечно в ванную не попасть, она видите ли какие-то процедуры делает! И по вечерам куда-то постоянно уезжает. Причём я бы могла подумать, что на деловые встречи, но уж больно у неё наряды откровенные, то шифон, то до неприличия глубокое

деколье.

А однажды, я случайно подслушала её телефонный разговор. В тот день, я забыла кошелёк и вернулась. Илона, видевшая мой уход, а вот возвращения не заметившая, будучи в полной уверенности, что дома никого кроме неё нет, прогуливалась по квартире довольно громко флиртуя с кем-то по телефону:

– Да, мой зайчик, – проворковала она, проходя мимо моей комнаты. – Конечно соскучилась! А ты как думал? Вечно пропадаешь на работе. Все эти деловые встречи, совещания...

Услышав до боли знакомое обращение – «зайчик», я решила, что она болтает с моим отцом и даже на долю мгновения усовестилась из-за своих былых обид в её адрес, но потом... Потом, ещё немного поворковав, она обратилась к собеседнику по имени!

В тот момент, я застыла возле двери и не решалась даже шелохнуться. Да, сомнений не было – у Илоны есть любовник, но я не знала, как поступить: стоит ли высказать ей всё? Стоит ли рассказать об этом папе? В тот день я прогуляла занятия, так и не осмелившись выйти из своей комнаты и выдать своё присутствие. Позднее, пыталась поговорить с отцом, но, увы, он приходил слишком поздно, а Илона словно почуяв опасность, всё время вертелась рядом. Несколько раз я порывалась приехать к нему в офис, но всё время что-то мешало: то у него срочно возникали какие-то неотложные

дела, то у меня. Казалось, сама судьба не позволяет нам поткровенничать, но однажды, я всё же урвала момент. Вот только отец оказался глух. Не поверил.

Я наблюдала за происходящими вокруг нас переменами и не могла понять – почему отец не обращает ни на что внимания? Почему на всё согласен? Да, до свадьбы я могла поверить, что он влюблён, ведь Илона казалась такой милой, но сейчас? О какой любви может идти речь, после того как его жёнушка во всей красе продемонстрировала своё гнилое нутро? Это же насколько слепым надо быть?!

Месяц за месяцем пролетел год, за ним другой. Отец осунулся и постарел, я уже позабыла как выглядит его улыбка. Мои попытки донести до его сознания тот факт, что супруга его просто-напросто использует, неизменно заканчивались скандалами. О нашей с мачехой войне вообще говорить не стоит. Если поначалу она делала вид, что просто не замечает моего существования, то потом начались хронические придирки: это не туда положила, поставила, не там села... А некоторые сцены стали притчей во языцех в кругу моих друзей:

– Зачем форточку открыла? Холодно!

– Так она же закрыта! – с уже выработавшимся равнодушием, отвечаю я.

– Значит открой, – фырчит, напрочь забыв о своих прошлых словах. – А то душно.

Ну, собственно и наоборот:

- Почему форточка закрыта? В квартире не продохнуть!
- Так она и открыта... – спокойно отвечаю.
- Значит, закрой, а то меня просквозит!

В общем, так и жили – она меня пилила, я скрипела зубами, но терпела. А однажды, отец явился домой в разгар рабочего дня и сказал, что ему надо со мной серьёзно поговорить.

– Кира, видит бог, я терпел сколько мог. Надеялся образумишься. Видимо не судьба. Поэтому... – он на мгновение запнулся, будто не решаясь продолжить, но тут на кухню вплыла его жёнушка и он буквально на одном дыхании выпалил: – Я снял квартиру неподалёку от твоего института. Оплатил вперёд надолго. Ты уже взрослая, и коли не можешь ужиться с Илоной, то переезжай туда, – завершил он и выложил на стол связку ключей и лист бумаги с адресом.

Шок? Да. У меня в горле болезненный ком застрял и челюсть болезненно свело от обиды. Как он мог так поступить? Почему винит только меня?!

Но чтобы я не думала, это ничего не меняло. Он остался слеп, упорно не замечая того, во что превращается его собственная жизнь рядом с этой мегерой. Как же я скучала по тем счастливым вечерам, которые мы проводили вдвоём... В те давние времена, до появления этой...

В тот день, спорить ни сил, ни желания не было. Я молча собрав вещи переехала на съёмную квартиру. С той поры мы почти перестали видеться. Он вечно был занят. В те счи-

танные разы, когда я заезжала домой, чтобы забрать кое-какие вещи, его либо не было, либо он спал, как говорила мне Илона или моя сводная сестра, до сих пор жившая с ними. В папином офисе ввели какую-то жёсткую систему контроля на входе, и туда мне проникнуть также не удавалось. Не возникало ни капельки сомнения в том, кого именно стоит благодарить за это. Но унижаться, отирая спиной стены возле выхода из здания корпорации в ожидании отца, мне гордость не позволяла.

Тут хочешь смеяться, хочешь плачь, но я всё чаще вспоминала сказку про Золушку. Вот же и мамы нет, и мачеха с двумя сёстрами-змеями в наличии имеется, и батюшка чахнет под каблуком жены тиранши, некогда прикидывавшейся ангелом. Да, меня никто не заставляет зёрнышки перебирать, и от отца даже деньги исправно раз в месяц на банковскую карту поступают. Но в целом... тенденция явно прослеживается. Не хватает только феи-крёстной и принца.

А потом... Когда я уже училась на втором курсе раздался звонок мобильного. Взглянув на экран, не поверила глазам, и даже колебалась – стоит ли отвечать? Но что-то внутри сжималось от боли и недоброго предчувствия.

– Кира, – раздался из трубки голос Илоны. – Ты в городе?

– Да, – удивлённо отозвалась я.

– Приезжай по адресу... – она продиктовала координаты одной из лучших больниц нашего города.

– Что случилось? – чувствуя, что сердце вот-вот выскочит

из груди, почему-то шёпотом спрашиваю.

– Приедешь, объясню. Поспешу...

И из трубки донеслись короткие гудки.

Как же я неслась! До метро долетела за считанные секунды, там бежала по эскалатору перескакивая через ступеньку, чем вызвала недовольство следящей за порядком сотрудницы метрополитена и спокойно едущих по своим делам пассажиров. Спустя безумно долгих сорок минут очутилась у входа в больницу, где меня ждала заплаканная Илона.

– Что случилось? – подлетев к ней, спрашиваю, напрочь забыв былые разногласия.

– Костя... он...

– Что?!

– Авария... Позвонили... Он в реанимации... Я тебе позвонила...

– Где он?

– Там... – махнула она в сторону больницы. – Он...

– Какая палата?

– Я... Я не помню... Всё так неожиданно... Я...

Она сбивчиво говорила что-то ещё, а я уже мчалась в приёмный покой. На то, чтобы выяснить куда именно доставили отца, ушло без малого минут десять. Потом был скандал с сотрудниками реанимационного отделения, не желавшими меня пропускать внутрь без сменной обуви и халата.

– Какой халат?! – орала я. – У меня отец там!

В итоге, кто-то из посетителей сжалился и дал мне свои

вещи. Правда не безвозмездно, но это не играло роли, главное, меня пропустили внутрь.

Представшая моему взору картина повергла в шок. За то время что мы не виделись, отец совсем сдал: исхудал, некогда тёмные волосы почти полностью поседели. А если учесть заклеенные пластырем ссадины на лице, гипс на ноге, вставленные в ноздри трубочки, всякие катетеры торчащие и из-под одеяла, и из вен, капельницы, плюс действующее на нервы попискивание диагностической аппаратуры... В общем, не думала, что я на подобное способна, но... Мгновение назад имевшая вполне чёткие очертания больничная палата поплыла перед глазами, и – да, я потеряла сознание.

Откачали.

Я сидела возле отца, плакала и рассказывала о том, как люблю его, как скучаю по тем временам, когда мы были близки, вот только слышал ли он?

Спустя два дня, надо мной сжалились, выделив кровать, и за незначительную сумму стали кормить больничной едой. Если бы не медперсонал, я, наверное, забыла бы о том, что нужно есть.

Два долгих месяца я провела возле постели отца, почти не покидая палату. Боялась, что стоит уйти и он придёт в себя или же наоборот, случится нечто непоправимое. Илона за это время навестила нас всего несколько раз, ссылаясь на то, что ей больно видеть отца в таком состоянии.

В институте, зная о моей ситуации, пока что закрывали

глаза на прогулы, хотя задания мне выдавали. Выполняла их тут же, разложив ноутбук, учебники и тетради на подоконнике.

Наверное, если бы не учёба, и не подруги с моего курса, я сошла бы с ума. Но Анютка и Надюшка неизменно поддерживали меня, не позволяя погрузиться в пучину отчаяния.

А потом... потом это всё же случилось.

«Кап... Кап... Кап...» – кажется, что сама природа горюет, проливая небесные слёзы.

Возле свежерытой могилы, недружелюбно косясь друг на друга, о чём-то перешёптываются пришедшие проститься с усопшим люди. Они зябко ёжатся под пронизывающе-холодными порывами ветра, дамы кутаются в ажурные чёрные шали, укрываясь под зонтами от мелко крапывающего дождя, мужчины повыше поднимают воротники плащей. Мне бы не видеть всего этого, поплакать бы, но слёз не осталось, иссякли за то время, пока отец лежал в коме. И вот, прощальные речи уже произнесены. Повинуясь жесту распорядителя, загребая горсть влажной земли, сжимаю в руке, будто передавшееся ей тепло чем-то поможет лежащему в гробу мужчине. Но кажется он всё ещё где-то рядом, и сейчас этот согретый моей рукой комочек упадёт и согреет его... Пусть не тело, но хотя бы душу...

«Шлёп...»

Обряд соблюдён, гости расходятся, спеша к ожидающим их автомобилям. Сотрудники похоронного агентства зака-

пывают могилу. Звук падающих на деревянную крышку гроба влажных комьев, отдаётся в ушах похоронной песней и приходит окончательное осознание: «Всё кончено. Его больше нет. Папа так и не простил мне тех грехов, в коих я была не виновна. И я больше никогда не услышу его голоса, не увижу его глаз...»

Вот и сейчас, в этот трагический день, здесь – на кладбище, подруги стоят рядом. Их присутствие пусть и немного, но придаёт сил. Ничего не изменить. А они напоминают о том, что надо как-то жить дальше.

Глава 2 Тернистый путь к чуду

Илона о моём существовании благополучно забыла. Деньги на карточку перестали приходить сразу после смерти папы. Хорошо, что жила я в пешей доступности от института и тратиться на транспорт необходимости не было. Поэтому остатков средств, сэкономленных ранее и смехотворной стипендии пока что хватало на кое-какое пропитание, хотя вопрос о подработке уже вставал ребром. Спустя полгода с того трагического дня, как раз с наступлением зимы, выяснилось, что срок, на который была сделана предоплата за квартиру подошёл к концу и надо либо оплатить дальнейшее проживание, либо съезжать.

Вопрос – куда? Да, пусть меня это и не радовало, но я решилась на какое-то время пожить в квартире отца, где по-прежнему обитали Илона и её младшая дочь. Нет, никто откровенно меня не выгонял из отчего дома, но поставили перед фактом: я тут «никто» и звать меня теперь «никак». По тому брачному контракту, с которым мне так и не удалось как следует ознакомиться в своё время, и по невесть откуда взявшемуся завещанию, никаких прав на собственность отца у меня не было: ни на долю в компании, ни на дачу, ни на квартиру, ни на машину, ни на счета в банке. Осталась только прописка. Можно было попытаться оспорить это в суде. Вот только денег на адвоката у меня не было.

Три недели жизни в некогда родной квартире превратились в сущий кошмар: к моему приходу из института всегда орала музыка, под звуки которой невозможно было сосредоточиться и подготовиться к следующим занятиям, зачётам и экзаменам. Приходилось заниматься по ночам, ведь я немало пропустила в конце прошлого учебного года, когда «жила» в папиной палате, прогуливая занятия. Вроде экзамены я все сдала, но всё равно нет-нет да аукаются те пропуски, а стипендию терять нельзя, она хоть и копеечная, но выручает.

– Кир, так не может продолжаться, – произнесла однажды утром, одна из моих подруг – Аня. – Ты на себя посмотри? В гроб краше кладут.

Что тут скажешь? Повела плечом неопределённо, мол, ничего не поделаешь. Я уже как-то смирилась и просто выживала. И если вначале, я тешила себя надеждой, что всё это затянувшийся кошмарный сон, то теперь наоборот, казалось, что все воспоминания о прошлой беззаботной жизни не более чем фантазии, а что было в жуткой реальности просто-напросто позабылось.

– Пошли в учебную часть. Напишешь заявление на место в общежитии.

– Кто меня туда пустит с местной пропиской? – невесело усмехаюсь.

– Ну а вдруг? – не отставала подруга.

Переспорить её нереально, это я знаю. Пришлось ид-

ти. Как и предполагала, получила отказ, ведь иногородних студентов выше крыши, а я местная. Но Аня не смирилась и продолжила обивать пороги ВУЗовского руководства. В итоге, нас троих – меня, Аню и Надю, вызвали к ректору.

– Вот и чего ты добилась? – ворчала я на подругу, подходя к кабинету.

Та вздыхала и отводила взгляд, но молчала. И правильно делала, у меня хронический недосып, недоед и вообще нервы расшатаны, посему лучше не нарываться.

Ректор окинул хмурым взглядом нашу компанию, и кивнул на стулья возе длинного «Т» -образного стола. Сели. Молчим. Ждём. Я молюсь – лишь бы не отчислили или стипендии не лишили.

– Свободных койко-мест в общежитии нету, – наконец-то произнёс он, а я успела подумать – «Стоило ради этого тратить на нас время? Эту информацию до нас только ленивый не донёс». – Свердлов, – он кивнул на Аньку, – уже все уши прожужжала о сложившейся ситуации. В общем... Вариант такой: насколько мне известно, вы, – он взглянул на моих подруг, – живёте в одной комнате. Так? Так. Согласны потесниться? – спрашивает, и девчонки опешив от такого вопроса переглянулись и дружно кивнули. – Но! Койко-место вам придётся организовывать самостоятельно. Привозите кровать, раскладушку или матрас надувной – это ваше дело. Если согласны, дам распоряжение приписать Велисову к вашей комнате.

Девчонки даже не глядя в мою сторону радостно заверещали, но тут же стушевались под строгим взглядом хозяина кабинета.

– Я так понимаю, вы согласны? – для проформы уточнил он. – Тогда вот, – он размашисто чиркнул на каком-то листке бумаги и подтолкнул его по столу в нашу сторону. – Отдадите коменданту.

Кровать я забрала из своей комнаты в теперь уже Илониной квартире, перевезла вещи, и наконец-то смогла вздохнуть с облегчением: никто не изводил меня придирками, не сводил с ума грохочущей музыкой, не соблазнял ароматами деликатесов, заставляющими мой голодный желудок узлами завязываться. Наконец-то, я выпалась и смогла сосредоточиться на подготовке к экзаменам, ведь подходил конец сессии, и не за горами был Новый Год.

И вот, настал день последнего экзамена.

– Молодец, Велисова, удивили ничего не скажешь, – похвалил педагог и поставив что-то в зачётке продублировал оценку в листок ведомости и ноутбук. – Хорошего вам Нового Года, – усмехнулся он, протягивая зачётку.

Я на ватных ногах прошла к столу, где осталась моя сумка, кинула взгляд на продолжающую готовиться к ответу Аню и... наконец-то за мной закрылась дверь в аудиторию.

– Ну как?! – тут же подлетела успевшая отстреляться самой первой Надя.

Открываю зачётку и расплываюсь в улыбке – высший бал!

– Оу! Супер! Ждём Аньку и пойдём отметим это дело.

– Да я... – попыталась отказаться, да куда уж там?

Надя у нас хоть и тихоня, но если вобьёт себе что-то в голову, то с ней, как и с Анькой спорить бесполезно, проще сразу согласиться. Вот и сейчас, не желая слышать мои отмазки, подруга тут же затараторила:

– Ты мне с матстатистикой и матанализом помогла? Помогла. Я проставляюсь! – припечатала она и в ожидании уставилась на дверь в аудиторию.

Мандраж отпустил, оставив на своём месте лёгкую эйфорию от осознания, что всё позади. Стою. Глазею по сторонам. Просторный коридор с высоченными, метров пяти в высоту потолками, залит ярким декабрьским солнцем, нестерпимо режущим по глазам сквозь огромные трёхстворчатые окна. У входа в аудиторию толпятся наши одноклассники, но при этом вокруг стоит гробовая тишина, изредка нарушаемая шорохом перелистываемых страниц, едва различимым шуршанием шпаргалок или тихим бурчанием готовящихся к экзамену студентов.

И вдруг, к вящему ужасу ожидающих своей очереди, дверь с пронзительным скрипом распахивается и, из помещения выскакивает сияющую от счастья голубоглазая блондинка:

– Ура-а-а! Даже не верится! – радостно восклицает она.

– И не говори, Аня, – улыбнулась ей Надя, заправляя за ухо вывалившуюся из причёски, отливающую огнен-

но-рыжим в солнечных лучах, каштановую прядь.

– На что? – больше для приличия интересуюсь, не сомневаясь, что подруга, как и всегда на протяжении двух с половиной лет нашей совместной учёбы, получила высший бал.

– На то, на что и хотела, – зарделась от удовольствия Аня.

– Ну что, девчонки, обмоем завершение сессии? – вновь внесла Надя конструктивное предложение.

– Можно, – памятуя о минувшей нотации, почти мгновенно отозвалась я, но Аня нас удивила:

– У меня другое предложение. Айда к моей бабуле в деревню на каникулы? Туда ехать электричкой всего-то три с половиной часа, ну а потом, или на такси скинемся или прогуляемся часик ножками. У вас ведь всё равно никаких планов на каникулы нет.

В этом она права – планов ни у меня, ни у Нади не было, по одной простой причине – она приехала издалека, а у меня... у меня просто не было теперь ничего – ни дома, ни родных, ни денег на путешествия или какой-либо иной досуг. В общем, мы планировали отпраздновать Новый Год в общегитии, ну и каникулы провести собственно, там же.

Предложение Аняты было принято единогласно. Правда вечно скромничающая Надя ни то, чтобы заартачилась, но всё же усомнилась:

– Ань, удобно ли такой толпой в гости наваливаться без предупреждения?

– Ой! Да брось ты, Надюх! – беззаботно отмахнулась блондиночка. – У меня бабулька мировая. Она нас ещё и гаданиям научит! Если уболтаем, конечно, – уже не так уверенно, добавила она. – Вот ты, например, неужто не желаешь на суженого взглянуть? – добила она Надю.

– Так то ж на Крещение гадать надобно, а мы к тому времени уже вгрызёмся в гранит науки и не до гаданий будет, – задумчиво произнесла Надюшка, а судя по тому как выделились на её лице веснушки, она в этот момент вела активную внутреннюю борьбу между принципами и собственными желаниями. – Да и не верю я в это всё, – отмахнулась.

– Вообще-то и на Святки гадают, а это с шестого числа и до самого Крещения, – сделав вид, что не расслышала последнюю фразу, поправила Анька нашу подругу. – Можно даже в декабре гадать, на день святого Андрея, например. И вообще, много когда. Я точно не знаю, но уж моя-то бабка всё об этом ведает. Поверь! Она самая что ни на есть настоящая деревенская ведьма! Ну, я ж вам рассказывала, – несколько обижено завершила свою пылкую речь, Аня.

– Ерунда всё это! – хором с Надей выпалили мы, переглянулись и расхохотались, хоть Надюшка и тихоня по жизни, за редким исключением эмоциональных всплесков, таких вот как сейчас, но слишком часто у нас с ней мнения совпадают, и вот так синхронно озвучиваются.

– А вот погадаете, и узнаем ерунда или нет! – фыркнула Аня.

В общем, так и решили. Весело галдя влетели в гардероб, оделись и выскочили на мороз, мне повезло тут же поймать адресованный кому-то снежок. Отряхнулась и поспешила догнать девчонок. Заскочили в общагу, побросали книги, конспекты и зачётки, наскоро собрались. По дороге на вокзал, забежали в гипермаркет затарившись всевозможными продуктами и алкоголем на Новый Год, и всем необходимым с расчётом на две недели проживания в гостях.

Хорошо, что экзамен проходил рано утром и мы по обыкновению вошли в аудиторию в числе первых. В итоге, на вокзале очутилась ещё до полудня. Без проблем взяли билеты и даже умудрились отыскать сидячие места в уже объявленной на посадку электричке, на что не особо-то рассчитывали накануне праздников и многочисленных выходных.

Три с лишним часа в электричке пролетели незаметно. После успевших надоесть городских пейзажей, мы с упоением глазели на проносящиеся за окном искрящиеся в солнечных лучах заснеженные поля, луга, деревья, позднее повалил снег, да такой, что ничего было не видно за этой белой пеленой. Потом болтали о том и сём, играли в карты, а когда часть пассажиров вышла, к нам подсели двое парней с гитарой. В итоге, мы так увлеклись, что чуть не проехали нужную станцию. Распрощались наскоро с попутчиками и подхватив свои вещи, выскочили из вагона.

Станция, судя по количеству вышедших на платформу пассажиров спросом не особо-то пользовалась. Помимо на-

шей компашки, я насчитала ещё четверых: женщина с ребёнком, мужик лет пятидесяти и бабулька-божий одуванчик в цветастом платке и с затрапезным рюкзачком за спиной.

– Хорошо-то ка-а-ак! – бросив сумки на заснеженный перрон, воскликнула Анька и широко раскинув руки в стороны, закружилась вокруг своей оси, похрустывая свежавыпавшим снегом под сапогами. – Вы чувствуете какой тут воздух?! А природа какая, а?

Ну что тут скажешь? Не поспорить. Воздух действительно чистейший, да и окружающий станцию хвойный лес – шикарен. Чего только стоят снежные шапки на раскидистых лапах елей и сосен: пушистые настолько, что так и тянет потрогать. А как искрятся, в лучах успевшего выскользнуть из-за тучек солнца! Аж глаза слезиться начинают.

– Да-а-а... – выдохнула облачко пара Надюшка. – Красота...

Учитывая отягощающие наши плечи баулы, о том, чтобы добираться пешком до деревни даже речи не было. Вот только ловить такси здесь было негде, за неимением оживлённых трасс или крупных населённых пунктов. По словам Ани, таксисты всегда парковались возле станции в ожидании потенциальных клиентов. Однако сейчас, сколько мы не оглядывались по сторонам, ни одной таксишной машины не заметили. Собственно, автомобилей здесь вообще было – раз, два и обчёлся. Двое мужчин поднялись встречать своих гостей прямо на перрон, затем закинули их баулы в багажники, до-

ждались пока рассядутся пассажиры и... да – уехали. А мы с девчонками – остались.

Стоим, озираемся по сторонам. Морозец щиплет щёки и нос. Ноги начинают подмерзать.

– Ну что же, – несколько расстроено, вздыхает Аня. – Давненько я зимой сюда не приезжала. Видать в это время гости здесь редкость, вот и таксисты в холостую кататься не хотят, – отводя взгляд, добавила она.

– Значит, пойдём пешком, – пожалала плечами Надя. – Не в город же возвращаться из-за такой ерунды. Сколько ты говорила – час идти?

– Ну-у-у... это... летом. А так... за полтора точно дойти можно, – обрадовала нас Аня, а мы в ответ лишь обречённо переглянулись, подхватили весьма увесистые торбы и потопали к спуску с платформы.

Выйдя с территории станции прошли минут пять по накатанной и явно довольно часто используемой дороге, свернули на широкую просёлочную, с жутким, присыпанным снегом гололёдом и колеями, оставленными транспортом. Минут через двадцать пришлось остановиться на передышку. После активной ходьбы, холодно уже не казалось – под курткой я вся взмокла, так и тянуло снять шапку, но боязно – вдруг простужусь? Не хотелось бы заболеть в такой глуши, где до станции не добраться, а о врачах и вовсе только мечтать можно, как собственно и о медикаментах.

– Придём, баньку затопим, – оптимистично вещала Аня,

пытаясь поднять наш боевой дух.

Постояли, отдохнули, поглазели на окружающие красоты и двинулись дальше. Вот только далеко не ушли, минут через десять руки и плечи от сумок болеть начали. Опять сбросили баулы на снег. Сейчас живописные пейзажи уже не радовали взор, хотелось в тепло, а лучше принять горячий душ и растянуться на кровати с каким-нибудь романчиком в руках. Вот только в деревне ни о каком душе речи не шло, там баня, которую ещё топить надо, и воду в неё таскать...

Не успели мы продолжить путь, как из-за поворота, оттуда, откуда мы только что пришли, послышалось фыркание, а минуту спустя показались самое что ни на есть настоящие сани! Тащила их белая в яблоках лошадка.

– Тпр-р-р... – поравнявшись с нами, крикнул возница, и кобылка послушно остановилась. – Далеко ль собрались? – поинтересовался восседающий на санях дедок в шапке ушанке, фуфайке и валенках.

– До Карбихи, дед Степан, – стаскивая натянутый чуть ли не до подбородка капюшон, радостно воскликнула Анька.

– Ох! Да никак к Федотовне гости пожаловали?! – покачал головой, явно узнавший нашу подружку дедок и неожиданно притк для своего возраста соскочив на дорогу, начал сдвигать свою поклажу на санях, освобождая место. – Ну садитесь, девки. Подвезу. Бурка вмиг нас домчит, а мне всё веселее будет.

Пока ехали, возница расспрашивал как жизнь в городе.

Ну и местными новостями поделился: кто женился, кто родился, кто преставился, у кого корова телилась, а чья жинка налево пошла.

Мне эти рассказы ни о чём не говорили, так как людей о которых речь шла, никогда в глаза не видела, а вот Анютка на некоторые новости реагировала весьма оживлённо. Оно и понятно, помнится подруга рассказывала, что в детстве все каникулы у бабушки проводила.

На лошадке ехать было куда веселее, чем пешком топтать тяжёлые сумки на себе волоча. Вокруг красота: тучки окончательно разбежались, небо синее-синее, солнышко светит, снег искрится и скрипит под полозьями, лошадка нет-нет да всхрапывает. Вот если б нас сразу со станции на коняшке забрали, так вообще ощущение было бы будто в сказку попали.

Вскоре впереди показался просвет между деревьями, за ним пошли то ли луга покосные, то ли поля, зимой-то не разобрать, видно лишь, что равнина и ни единого деревца или кустика вокруг. А дальше мелькнул знак с наименованием населённого пункта и потянулись заборы. Не дачные сетчатые и не зажиточные из железа да камня, а обычные – как в старинку в деревнях и водилось – деревянные. За ними виднелись бревенчатые хоромы под серыми шиферными крышами. Из труб дымок вьётся, где-то скотинка блеет, мычит, собаки как заведённые брешут.

Деревня как ни странно оказалась немаленькой. Или это только впечатление такое складывалось, ведь по сравнению

с садоводствами здесь участки огромные, соток по шестьдесят, а то и больше. Помимо основательных деревянных домов имелись в каждом дворе хозяйственные пристройки типа скотных дворов и сеновалов, плюс огороды и сады.

Проехав почти через всю деревню, миновали кладбище, явно заброшенные, ещё советских времён скотные дворы, и уже за ними остановились возле очередных хором.

– Тпр-р-р-р... – крикнул возница. – Вот и приехали! – говорит, а сам соскочил с саней и к калитке во двор направляется. – Федотовна! – крикнул он. – Привечай гостей дорогих!

Мы тем временем слезли с саней, забрав свои пожитки.

– Пойдёмте, – улыбнулась Аня, и заведя вышедшую во двор пожилую женщину, с визгом: – Бабушка!!! – кинулась навстречу хозяйке дома.

Старушка, зябко кутающаяся в накиннутую впопыхах и не застёгнутую фуфайку на вид смотрелась лет на семьдесят. Зрение видать у неё было не очень хорошее, она долго щурилась, силясь разглядеть – кто ж к ней в гости-то пожаловал? А разглядев заулыбалась и вмиг забыв о морозе раскинула руки заключив внучку в объятия.

– А я с подругами! – тут же выпалила Аня.

– Ну и хорошо, – улыбаясь, кивает бабка. – Да, что ж это мы всё во дворе да во двое? Спасибо Степан, с меня причитается!

– Сочтёмся, – отозвался дедок, и хитро подмигнув нам на прощанье, вернулся к саням.

– А вы в дом заходите, нечего тут мёрзнуть, – причитала Анина бабка.

Взойдя на высокое крыльцо, прошли в помещение исполнявшее роль веранды. Тут было холодно, что и не мудрено при таких-то окнах почти во всю стену. Зато светло. Возле одной стены стоит диван, у другой длинная лавка, у третьей старинный секретер и большой покрытый клеёнкой стол. Затем мы миновали небольшой мрачный коридорчик из которого уходило три двери, и наконец-то попали в жилую часть дома. Здесь было жарко натоплено и пахло свежей выпечкой.

– Разувайтесь, – кивнула нам Аня, указав взглядом на полочку с обувью.

– Вот как чуяла, – бормочет тем временем старушка. – Тесто с вечера поставила да пирогов сегодня с утра напекла. Вы раздевайтесь, раздевайтесь. Вещи в комнаты отнесите... Ань, покажи гостям куда идти! Я пока на стол собираю. У меня тут щи есть... – уже вовсю шуруя кочергой в настоящей русской печи, приговаривала хозяйка.

Дальше я не расслышала. Аня повела нас вглубь дома. Из той комнаты, где осталась хозяйка дома, выходили три двери. Через одну мы пришли, что было за второй неведомо, но судя по всему, там комната Аниной бабушки, через третью сейчас попали в ещё один небольшой мрачный коридорчик, из которого тоже выходило три двери.

– Это моя комната, – подруга пошуршала рукой по стене, в поисках выключателя и тут же пришлось зажмуриться, по-

сле темноты – свет ослепил. – А вы выбирайте из этих двух, она кивнула, указывая нам направление.

Обе спальни ничем особым не отличались, поэтому и думать было не о чём, я заняла ту, к которой ближе стояла, вторую Надя. Не успела снять куртку и распаковали сумки, как на пороге нарисовалась Анька:

– Пойдём есть. Заодно с бабулей познакомитесь, – говорит. – А потом баньку затопим.

Глава 3 Гадания на суженого

То ли поздний обед, то ли ранний ужин прошёл в приятной дружественной обстановке. Щи знатные оказались, пироги вообще выше всяких похвал. Хозяйку дома звали Клавдией Федотовной, но она нас попросила звать её по-простому – бабой Клавой. Не знаю уж, как Наде, а мне так проще, так как «Федотовна» звучало для моего слишком уж городского уха как-то диковато и чуждо и никак не желало ложиться на язык, так и хотелось Фёдоровной бабулю обозвать.

– Ба, – к концу трапезы, потянула Аня. – Мы с девчонками погадать хотели. Они правда во всё это не верят, ну и ещё думают, что гадать только на Крещение можно.

– Отчего ж только? Почитай каждый второй день какой-никакой, а праздник и, гадания в эти дни сильны, – промокнув рот тряпочной салфеточкой отозвалась старушка. – И сегодняшний день как раз такой. И не только гадания, но особенно – привороты.

– Ух ты! – оживилась Анютка, у которой аж глаза в предвкушении засверкали.

– Вот, вы, например, собрались баньку сейчас истопить. Там как раз и погадать можете. Только опасно это, девоньки, так что забудьте, – отмахнулась бабка.

– Ну-у-у ба-а-а... – заканючила наша неугомонная блонди.

– Сто раз тебе говорила – забудь! – строго припечатала хозяйка дома.

Ох! Что тут началось! В общем, мы добрый час смотрели на то, как Анька заламывая ручки и так и сяк уговаривает бабушку. И таки уломала же! Что уж там? Даже наш с Надей скептический настрой растаял без следа.

– Ладно уж, расскажу пару способов, но... обратного пути не будет: узнаете о подробностях и придётся гадать. Иначе такие беды повалят, что и жизни не мила станет! – страшает бабка, а я мысленно усмехнулась – знала бы она какие у меня беды, поняла бы что пугать поздно – пуганая.

– Как? Как? Как? – едва ли не подпрыгивая от нетерпения на месте, затараторила Анька.

– Тут есть несколько вариантов. Уж какой выберете в первую очередь – вам решать. Но применить придётся оба.

– Бабу-у-уль, не томи... – скорчила жалобную мордашку Аня.

– Это, девоньки, старинный обряд, дающий возможность пообщаться с бесовскими силами в «нечистом месте», как в старинку говаривали и поворожить на судьбу. И вот вам прямо сейчас решить надо – рискнёте ли его использовать? Ибо зная его человек обязан применить иначе начнётся полоса неудач, да такая что жизнь не мила станет.

Мы переглянулись, и как-то синхронно кивнув, притихли, слушая вкрадчивый голос рассказчицы:

– Творится этот обряд в полночь. Перед походом надобно

снять с себя нательный крестик, кольца, цепочки, коли таковые имеются. На одежке не должно быть никаких поясов или узлов, а во время обряда ни в коем случае нельзя скрещивать ноги и руки. Идти в баню надо молча, ничего не спрашивать, на вопросы не отвечать. Вот в старые времена вообще в одной рубашке и босиком шли, ещё и лицо платком накрыв, чтобы прохожие случайно не узнали. Вам это не надобно, тут и так никто вас не увидит на отшибе-то, да и темно уже будет. Так вот, в полночь зайдёте в баню, сядете на полку голой попой и трижды произнесёте:

«Банная доска-половица,
Приносная банная водица,
Банный потолок, банный поллок,
Покажу вам то, чем детей рожают,
А вы мне покажите то, что ожидает».

– На листочек бы записать, – засуетилась Анька. – Так враз и не запомню.

– Там, возле телевизора лежит карандаш и листочек. Возьми, я потом заговор продиктую, – кивнула баба Клава, а сама тем временем продолжила рассказ: – После этого встанете да попятитесь задом к печи, сунете руку в поддувало, прихватите золы с камнями...

– А сколько надо той золы? – неожиданно подала голос Надюха.

– Столько, сколько в горсть поместится, – ответила старушка и продолжила поучать: – Промоете добычу через сито

и посмотрите, сколько там камней осталось. Запомните количество, ну и учтите – мелкие камни предрекают бедную жизнь.

– А что в итоге узнать-то можно? – не вытерпела Аня.

– Ох и непоседа ж ты! – всплеснула руками старушка, но всё же поведала какие ответы получить можно: – Если один камень в решете, будешь вечно одинока. Даже выйдешь замуж, то вскоре разведёшься или овдоеешь. Такому человеку лучше уж одному куковать, чтобы другим жизнь не портить. Хотя... такие люди и сами-то не долго землю топчут, короток их век.

– Что-то не нравится мне такое гадание, – пробурчала я.

– А ты ж как хотела, девонька? Чтоб всё обязательно предсказывало жизнь сказочную, будто ты как в масле кататься станешь? Жизнь она знаешь ли разная бывает. А гадания её изменить не в силах, лишь предсказать.

– Да не слушай ты ей, ба, – влезла Анька. – Что там дальше-то?

– Коли два камня обнаружишь, то дважды замужем побываешь и родишь двоих малышей. Врагов будешь иметь большое множество, а вот с деньгами беда бедой. Те кто два камня вытянул обычно проживают о-о-очень долгую жизнь, только надобно им глубокой воды сторониться, да холодов опасаться.

– Это ещё почему? – вновь подала голос Надя.

– Потому как, плавать они могут уметь, но всё одно в глу-

бокой воде очутившись скорей всего потонут, ну а холод... Застужаются насмерть. Или же болячки через него смертельные получают.

Мы с девчонками переглянулись, а я аж поёжилась от таких перспектив.

– Ну так вот, ежели три камня в решете окажется, то быть тебе мужней женой, вот только гулять он будет по страшному и одно утешение останется – ваши детки.

– Жесть! – не выдержала я.

– Четыре камня. Будешь всю жизнь маяться под гнётом наглой и вздорной свекрови.

– Ба-а-а??? – протянула растерявшая былой задор Аня. – А хорошее что-то в этом гадании предусмотрено?

– Есть... Вот как раз, если пять камней обнаружишь, то ждёт тебя беззаботная, счастливая жизнь с богатым и добрым супругом. Здоровье будет богатырским, а детки радовать родителей послушанием и умом.

– Ну слава богу, хоть после пяти камней можно вздохнуть спокойно, – как-то нервно выдохнула Надя. – Придётся загребать золы побольше, чтобы точно много камней было.

– Наивная, – невесело усмехнулась старушка. – Вот, если ты шесть камней вытянешь, то ожидать тебя будут кражи или пожар, болезни всяческие, да и вообще, жизнь недолгой будет.

– А семь? – воззрилась на неё Аня.

– Это тоже дурной знак, предсказывающий тихое поме-

шательство и смерть детей, – вздохнула старушка. – Ну а восемь и более камней, тоже ничего хорошего не сулят: жизнь-то долгая будет, но суетная, ждёт такого человека много обид и мало радости.

Какое-то время мы сидели молча и переваривали полученную информацию. Как-то боязно было гадать, если куда не плюнь, всё пакость какая-то, какова вероятность, что из бесконечного множества комбинаций удастся вытянуть именно пять камней? Слишком низкий шанс, как не крути.

– Ну и чего пригорюнились затихли? – нарушила тишину старушка. – Баня сама собой не истопится.

– Да что-то не хочется мне гадать так, – честно призналась Аня.

– А чего бояться-то? – вскинула седые брови её бабуля. – Гадание же ничего не меняет, а лишь показывает, что судьбой предписано, а вот знаячи, можно попытаться и супротив неё пойти, изменить что-то.

Какое-то время мы с девочками тупо пялились на скатерть не решаясь встать из-за стола. А потом Аня робко подняла взгляд на бабушку и спросила:

– А подбробнее никакого гадания нет?

– Есть, но от прошлого гадания вас это уже не освобождает, – припечатала она. – Ну так вот, вымоетесь вы в бане и голышом на улицу выскочите, держа веник в руке. Повернётесь спиной к бане и через себя, не оборачиваясь, зашвырнёте веник на крышу бани. Куда укажет метёлка, с той стороны

света ваш муж. Вот только встретитесь ли вы с ним или нет, это гадание не расскажет, но если встретите суженого, то... В общем, если вниз ручка от веника укажет, то муж будет заботливый и покладистый, жить душа в душу будете. Если вверх, то строгий и придирчивый. Если вправо, то хорошая жизнь с богатым мужем ждёт, влево – трудная и... с бедным.

– Хрен редьки не слаще, – вздохнула Аня.

– Ну не скажи, – задумчиво произнесла Надя. – Тут главное, чтобы веник не вверх и не влево повернулся, остальное очень даже ничегошное.

– А может... – собралась канючить Анька.

– Не может! – неожиданно резко рявкнула бабулька. – Всё, хватит с вас пока что. Записывай заклинание. Покамест баню истопите – выучите. А там уж и полночь наступит, – уже спокойно добавила бабка, а мы с девчонками переглянулись и только вздохнули горько, пребывая в ужасе от предстоящего действия.

И вот же, чудо, когда ещё там, в коридоре института Анька завела речи про гадание, я в них ну ни на йоту не верила, а сейчас... Сейчас жутко настолько, что поджилки трясутся. Лучше уж всю жизнь прожить судьбы своей не ведая, чем вот так трястись, а потом узнав ответ – маяться.

– Ах, да! – спохватилась старуха в тот момент, когда мы оделись, обулись и взяли вёдра собираясь воду таскать и баню растапливать. – Чуть самое главное-то не забыла!

Мы аж запнулись на пороге от такого вступления.

– После гадания, того что с заклинанием, ночью вы суженых своих увидите.

– Хи! – неожиданно развеселилась от таких речей Анька.

– Ик! – нервно вторила ей Надюха.

Ну а я... я, тихо так к стеночке прислонилась, чтоб в случае чего помягче в обморок шмякнуться, а-то кто знает, что нам сейчас ещё поведают про этих суженых.

– Ну так вот, – словно бы и не замечая нашу реакцию, продолжает вещать бабка: – Увидать-то вы его увидите, но то не он явится, а дьявол под личиной суженого. И запомните: во всех гаданиях, где вам жених является в зеркале ли, в отражении воды ли или во сне, не важно, это не он, это – дьявол!

– Ик-ик! – раздалось слева.

– Э-э-э... – проблеяла справа от меня Анька. – Ба-а... а может это... Кофейку тройную дозу и нафиг его этот сон, а?

– Не выйдет, дорогуша, – усмехнулась старуха. – Не сегодня, так завтра его увидишь, так зачем оттягивать неизбежное?

– Ик! – не отличилась оригинальностью Надя, но потом всё же выдавила: – А если у меня два мужа будет?

– Значит двое во сне и придут, – словно само собой разумеющееся пояснила старуха. – И от судьбы вам всё равно не уйти. Поэтому не перебивайте, никак не даёте самое важное сказать. Первые секунды дьявол не имеет над вами силы, и вы можете успеть рассмотреть принятый им облик.

А как только запомните отличительные черты, тут же говорите: «Чур меня! Чур меня! Чур меня!» Эти простые слова изгонят нечистого.

– Э-эм... – промычала Аня. – Ну с зеркалом, водой и прочим тому подобным всё ясно, – говорит. – Но как во сне-то?

– Поверь, захочешь душу свою спасти – сумеешь, – отозвалась бабка и скрылась за дверью в свою спальню.

Вышли мы на улицу. Мороз такой, что кожа на щеках горит и в носу пощипывает. Снег под ногами поскрипывает. Но ничего, к тому времени как воды натащали, даже вспотеть успели. Банька у бабы Клавы была знатная – огромный предбанник, за которым сразу же располагалась большая парная, с открытой каменкой и полками вдоль стен, способная одновременно вместить человек десять. Мы с Надюхой дров быстро наносили и принялись заклинивание учить, пока Анька с заслонками что-то мутила и каменку растапливала. Топили здесь по-чёрному, я такую систему вообще впервые видела. Процесс этот оказался долгим: пока растопили – раскалив каменку, пока, прогорело всё, да выветрилось.

– Вы пока в доме подождите, – наконец-то управившись с основными делами, произнесла Аня. – Я до соседей сбегая, веник попрошу. А-то у бабули только два нашлось, а нас-то трое.

Вернулись мы с Надюхой в дом. Бабульки Аниной не видно нигде, наверное, закрылась в своей комнате и носа не ка-

жет, ну и ладно, а то, не дай бог ещё каких страстей понарасказывает. В итоге, к банно-прачечным процедурам приступили в начале двенадцатого. Банька протопилась не слишком сильно, но у нас желания прямо-таки париться и не было. Тепло? Тепло. Вода горячая есть? Есть. Ну и зола вон остывает для гадания на женихов.

Вымылись по-быстрому и как были, так голышом в предбанник и выскочили. Там, Анька нам веники вручила и мы, весело вереща от, пощипывающего разгорячённую кожу, мороза и хрустящего обжигающего снега под ногами, выбежали во двор, встали спиной к баньке, как нас бабка Клава учила... В общем, зашвырнули по очереди веники. Благо небо ясное было, и луна огромная, поэтому удалось рассмотреть кому что гадание напророчило. А вышло так: метёлка у всех троих в одну и ту же сторону показала, и лежали они все ручкой вниз.

– Здорово! У нас мужья будут с одной и той же стороны и все покладистые будут и жить душа в душу. Только у Надьки муж чутка побогаче наших будет, во-о-он видите, метёлка повернулась немного вправо, – проанализировала увиденное Анька, и зябко поёжившись, махнула рукой, чтобы в баню бежали. – А веники завтра с крыши снимем, – уже на ходу добавила она.

Настроение как-то сразу приподнялось. Не так и страшно гадать оказалось.

Пока мы по улице голышом носились, банька на распаш-

ку стояла и слегка выхолодилась. Забежали мы в предбанник, захлопнули дверь за собой и давай полотенцами растираться, чтобы согреться. Только-только успели выданные нам хозяйкой рубахи натянуть, как откуда-то с улицы, а вернее, из бабкиных хором донёсся бой настенных часов, извещающих о наступлении полночи. Чудно как-то, вроде и баня основательная из толстого бревна выложена, и дом, а вот слышно же.

Как нам и велела хозяйка дома, крестики, кольца, цепочки мы сняли заблаговременно, а сейчас, молча и даже не смотря друг на друга, вернулись в парильное отделение. Задрав рубахи сели на полку голыми попками и трижды сбивчивым хором произнесли:

«Банная доска-половица,
Приносная банная водица,
Банный потолок, банный поллок,
Покажу вам то, чем детей рожают,
А вы мне покажите то, что ожидает».

Потом словно по команде встали, и развернувшись спиной к печи, попятились к ней. Боязно, пусть угли уже давно прогорели и почти остыли, но сама-то каменка жаром так и пышет. Воды ливани и только шипение слышно будет, а всё кругом паром заволочёт.

Не знаю уж, как там девчонки, в их сторону не смотрю, коль уж не велено, но сама крадусь медленно назад. Так и подмывает обернуться и глянуть, но страшно – напугала

бабка всякими страшилками. Когда почувяла что по ногам жаром от каменки повеяло, медленно наклонилась как можно ниже, просунула руку промежду ног, потянулась, да и зачерпнула горсть золы. И только сейчас осознала, что всё это время, пока к каменке шла – не дышала, а в момент, когда за золой лезла ещё и зажмурилась.

Рядом слышались охи-вздохи. Взглянула на подруг. Анька уже вовсю в решете золу просеивает, Надюшка стоит рядом, сжимая крепко кулачок, и с любопытством заглядывает под руку подруге.

После этого встанете да попятитесь задом к печи, сунете руку в поддувало, прихватите золы с камнями... Тихо в бане, только сопение наше и слышно, да то как Аня по решету пальчиком перекачивает от трухи отделяя.

– У-у-уи-и-и-и!!! – заверещала Анька, заставив меня шарахнуться в сторону от неожиданности. – Пять!!! Девчонки, пять кусочков!

Мы пока молчим, а то мало ли, вдруг старуха забыла нам указ дать, и мы своей преждевременной болтовнёй беду на свои головы накличем.

Пришёл наш с Надькой черёд золу просеивать. Переглянулись мы и я тихонечко так, в сторонку отошла очередь подруге уступая.

– Четыре, – вздохнула она.

Я тем временем решето из её рук принимаю, напрягая память: пять самый идеальный вариант, четыре – проблемы

со свекровью. Что-то мне выпадет?

– Не парься, – тем временем, хихикнула Анька. – Бери сироту в мужья и нормально всё будет.

Надя лишь огрызнулась в ответ, а я с замиранием сердца разжала вспотевшую от жары и волнения ладошку, высыпала свои трофеи и начала осторожно их помешивать пальчиком. Вот только то. Что я уже сейчас видела – мне явно не нравилось.

– Два, – выдохнула я.

– Ну-у-у... – протянула наша белобрысая заводила, явно придумывающая как бы меня приободрить, но так и не найдясь, просто сказала: – Главное замуж выйдешь, да деток двоих родишь и то хлеб.

– Угу, – понуро откликнулась я. – А ещё врагов будет много, а денег мало. И... ах, да! Надо теперь глубокой воды сторониться и холодов опасаться. Куда не плюнь, сплошная романтика.

– Ну всё лучше, чем за гулящего выйти, – попыталась подсластить пилюлю Надюшка. – Меня вон тоже мина замедленного действия в виде злобной свекрови ожидает.

– И всё же – жесьть! – не выдержала Аня и подхватив один из веников выскочила на улицу.

В предбанник выходили в молчании. Если девчонкам ничего плохого гадание не предвещало, то мне... Вот не хочется верить, а вот факт – уже поверила. И в то, что воды глубокой опасаться надо и холода, и что детей у меня двое будет

от двоих мужей. Вопрос что с первым произойдёт? Поссоримся и разведёмся или не дай бог, что-то более страшное? И ещё эти слова про долгую жизнь в нищете и с врагами...

Оделись, а я, памятуя о результатах гадания закуталась потеплее.

– Вот же, блин, – бурчу. – Жила себе и бед не знала, так нет же! Дёрнуло кого-то погадать.

– Да ну тебя, Кир! – надулась Анька. – Порой ты такая зануда. Дуй спать, лучше! Нам сейчас женихи присниться должны...

Глава 4 Явление суженых

Я уже собралась идти спать, но тут откуда не возьмись нарисовалась Анина бабка, и говорит:

– Куда поскакали?

– Спать пора, – удивилась Анька.

– А мне рассказать, что вы там нагадали необязательно?

Поведали мы о результатах гадания. Она покивала каким-то своим мыслям, и говорит:

– Я ещё кое о чём вам сказать позабыла. Перед тем как спать лечь, вы должны в окошко выглянуть. Вот вам из горницы в самый раз три окна, смотрите.

Ну надо, так надо, мы с девчонками ни слова не говоря, лишь переглянулись и послушно прошли к окнам. Стоим. Смотрим. Да только что там увидишь со света в ночь непроглядную?

– А что мы увидеть-то должны? – интересуется Анька.

– Ничего, – отмахнулась бабка. – Просто так положено, вы судьбе своей в глаза взглянули и приняли её такой какая она есть. А уж там, как повезёт. Может и встретите своих суженых, а может и нет, – завершила хозяйка дома и скрылась за дверью в свою спальню.

Мы с девчонками опять переглянулись и лишь плечами пожали на молчаливые вопросы друг друга.

Войдя в выделенную мне комнату, нащупала вслепую вы-

ключатель, не желая рисковать и спотыкаться в поисках светильника. Разобрала вещи, достав любимую пижамку – фланелевые бриджики и футболку, переоделась и мысленно прошептала – «Ложусь на новом месте, приснись жених невесте» выключила верхний свет, светильник и забралась в непривычно мягкую постель. Конечно же моя кровать в общежитии была не из дешёвых, что и не мудрено, ведь когда-то её папа покупал, но как показала практика, современные материалы не идут ни в какое сравнение с настоящими перьевыми матрасом и подушкой, да и тяжёлое ватное одеяло приятно отягощает тело.

Заснуть долго не удавалось. Всё же место новое, за окном луна ярко светит, освещая комнату словно фонарь и, после города, здесь непривычно тихо, аж в ушах звенит от тишины. Ну и переживания минувшего дня дают о себе знать: поездка сюда с кучей впечатлений, разговор с Аниной бабкой как-то уж слишком кардинально изменил моё отношение к всяким этим ведьминским штучкам типа гаданий, а до того ещё и экзамен, к которому я не успела толком подготовиться, потому что вынуждена была подрабатывать по вечерам уборкой в одном из офисов, расположенных неподалёку от общежития. Бог мой, кто бы сказал мне год назад, что я буду жить в общежитии и подрабатывать уборщицей – в жизни бы не поверила! Но что есть, то есть. На другую работу устроиться не получалось – всё же без образования и стажа трудно найти что-то стоящее, а если к тому же ты студентка

дневного отделения... И ведь на вечернее или заочное тоже не перевестись, тогда лишусь общежития. Такой вот замкнутый круг. В итоге, сейчас я была и физически, и морально, и эмоционально выжата.

В какой момент явь обернулась сном? Не знаю. Лежу в освещённой лунным светом комнате, и вдруг, слышу звук шагов, чьё-то перешёптывание. Почему-то стало страшно. Нет, я даже мысли не допускала, что это какие-то маньяки, но припомнились бабкины слова – «Как только рассмотри-те лицо, запомните характерные черты, тут же кричи – чур меня! Иначе быть беде, ибо дьявол в силу войдёт, а ты в его власти окажешься!» Вот я и испугалась – вдруг это тот самый суженый заявился, а я не заметила. Время-то идёт, как бы чего не случилось плохого. Вроде понимаю, что бред – это всё и предрассудки, но всё равно боязно.

Осторожно, стараясь не выдать себя шумом, тихонько дотянулась до выключателя. Светильник послушно включился, а я уставилась на «гостей». Да-да, именно гостей, потому что комната, где я находилась была той же, что и во сне, но в ней, помимо меня, присутствовало двое с интересом взирающих на меня мужчин. Сразу припомнилось банное гадание, на-пророчившее, что мужей у меня будет двое, а также обилие врагов и недостаток в деньгах.

Мысли мыслями, а глаза всматриваются в стоящих неподалёку мужчин. Один – высокий смуглый блондин с ярко зелёными глазами, тёмными густыми ресницами и бровями,

какими-то слишком уж идеальными чертами лица, вот только его самодовольное выражение так и тянет чем-нибудь тяжёлым с лица стереть. На дух таких глянцевого красавчиков не переносу, неужто меня и впрямь угораздит с таким связаться?

Второй... такой обычный рядом с тем фотомодельным образцом, и как-то даже не верится, что оба эти совершенно разных мужчины будут спутниками одной и той женщины, пусть и на разных этапах её жизненного пути. Кстати интересно, кто будет первым, а кто вторым?

«Не о том думаешь, Кир, – шепнул мне внутренний голос. – Запоминай их и изгоняй. Предубеждения это или нет, но нам лишних приключений на пятую точку не надо...»

Пришлось послушаться. Блондина я в принципе уже рассмотрела, теперь переключилась на второго: среднего роста, возможно даже ниже меня, коренастый, с непослушным ёжиком коротких русых волос на голове, ничем не примечательным, каким-то бесцветным лицом. Вернее, оно тоже было загорелым, но выгоревшие брови и ресницы, вкупе с обычными серыми глазами – сливались во что-то невыразительное, диссонирующее со стоящим рядом ярким блондинистым типом.

М-да уж, на такого я бы в здравом уме и не взглянула. Хотя... может он человек хороший... «Ага, в сексе хорош, или просто – богат!» – насмешливо фыркнул мой ехидный внутренний голос.

В ответ на это, я невольно окинула фигуры мужчин оценивающим взглядом, ненадолго задержавшись на... Ну в общем, в районе ширинок. Затем поймала насмешливый взгляд блондина, залилась краской как первоклашка и спохватившись крикнула:

– Чур меня, чур!

– Поздно, – делая шаг ко мне навстречу, с лёгким придыханием, проворковал блондин. – На эту ночь ты наша.

Бли-и-ин... Вот это голос!!! И не важно, что он там говорит. От одних этих звуков у меня внизу стало жарко и влажно. Никогда прежде подобного не испытывала. Хотя... у меня нет ни одного знакомого с таким... бархатистым, обволакивающим сознание и ласкающим слух голосом. Интересно, он таким и будет или это от дьявола искуителя? Не-е-ет... Ну какой же бред несу, а? Какие к чёрту дьяволы?! Это всего лишь сон. Мне сказали, что я кого-то увижу, я себя мысленно накрутила и вуаля – вот они мои принцы, прекрасные и не очень. А то что они наверняка совратить меня пожелают, так кто же против-то? На здоровье, как говорится. Личной жизни у меня нет, а так, хоть во сне либидо потешить можно будет. И... я даже не прочь с двумя сразу... Ну не в реальной жизни, конечно, а сейчас – во сне.

Пребывая под впечатлением от голоса блондина, оказавшим неожиданно возбуждающее действие, и промелькнувшими шальными мыслями, страх растаяла без следа. Я сидела на кровати свесив ноги и смотрела на неспешно прибли-

жающегося красавчика.

– Как вас зовут? – произношу, хотя не настолько меня это интересует, просто как-то странно будет пуститься во все тяжкие с теми, чьих имён даже не знаешь, и не важно, что это всего лишь сон.

– Разве тебя интересует именно это? – слегка приподняв бровь, уточняет блондин, а у меня от его голоса аж затрепетало всё внутри.

Молча наблюдаю за его дальнейшим приближением. Второй же так и не стронулся с места. Немного обидно. Неужели я ему не интересна? Нет, ни то чтобы я так уж вспылала желанием обладать этим крепышом, но если уж отрываться, то по-полной!

Блондин, тем временем, подойдя вплотную, протянул руку к моему лицу. От лёгкого, едва ощутимого прикосновения его пальцев к моим губам, я... растаяла. Такое ощущение, что до этого момента во мне было нечто заставлявшее тело держаться в напряжении, а сейчас, будто пружина лопнула и... я расслабилась. Полуприкрыла веки, сквозь ресницы наблюдая за его действиями и отдаваясь ощущениям.

Его пальцы очертили контур моих губ, скользнули на подбородок, погладили по щеке, и коснувшись подбородка заставили приподнять лицо.

– Ты согласна? – промурлыкал этот невообразимо будоражащий сознания голос, и я, не уточняя на что именно – киваю.

Блондин тут же поманил к нам второго гостя, а сам начал стягивать с себя одежду. Ну что тут сказать? Его оголённый торс впечатлял. Собственно, он весь представлял собой воплощением моих эротических фантазий, но в жизни я с такими если и сталкивалась, то давно, ещё будучи девочкой, а потом... потом всё слишком изменилось, такие красавцы в мою сторону просто-напросто не смотрели. Ведь кто теперь я, а кто они? Именно за это, я такой типаж и невзлюбила. Но то реальность, а это – сон, здесь другие правила.

Крепыш на стриптиз не обращал внимания, да и сам раздеваться не спешил. Подошёл к кровати, сел рядом, и как-то по-свойски забрался под пижамку и провёл рукой по моей спине. По коже тут же пронёсся целый табун мурашек. Я непроизвольно поёжилась. Нет, неприятно не было, наоборот, у меня даже грудь набухла и соски ощутимо затвердев упёрлись в ткань пижамы, вырисовавшись острыми холмиками.

Блондин расстегнул ремень на джинсах, но дальше ничего предпринимать не стал, лишь кивнул мне, чтобы продолжала.

А я что? Я ничего! Ломаться и в мыслях не было. Вот только сразу штаны с него стянуть не было никаких сил, так хотелось погладить кубики на животе... Ну и погладила. Эти движения казались такими естественными, что я немного увлеклась и склонившись вперёд, прикоснулась губами к обнажённой коже. Его руки потянулись к ширинке, а мои

нетерпеливым рывком, стащили джинсы до колен, провели собственническим жестом по бёдрам мужчины, отчего его возбуждённый член в облегающих трусах-плавках вздрогнул и выпятился вперёд, будто копьё.

Крепыш уже успел снять с меня футболку. Его руки изучают моё тело: спину, плечи, живот, грудь... Я уже слегка постанываю от удовольствия, ёрзая в предвкушении чего-то большего, и продолжаю раздевать стоящего напротив меня блондина.

Куда пропали брюки? Когда и кто их успел снять? Да разве это имеет значение? Я вцепилась в резинку, от скрывающего всё самое интересное, нижнего белья и тяну вниз. Взору открылась светлая дорожка из явно жёстких курчавых волос. Ткань цепляется за вздыбленное мужское естество, а я настойчиво, словно и не замечая препятствия продолжаю тянуть её всё ниже и ниже. Мгновение, когда ткань соскользнула, открыв моему взору приличных размеров, сантиметров двадцати – не меньше, член, показалось вечностью. Я будто в замедленном кино наблюдала, как этот жезл власти всё больше выпирает вперёд, едва не касаясь моего лица... И *он... оно* постепенно принимает горизонтальное положение... Как резинка трусов соскакивает с блестящей от возбуждения головки... Как упруго отскакивает вырвавшаяся на свободу плоть и смачно шлёпается о брюшину своего хозяина, а на кончике члена выступает капелька смазки. Мой рот наполняется слюной, так хочется лизнуть... Ощутить

вкус этого невероятно сексуального мужчины...

Второй парень уже тоже разделся, сел у меня за спиной. Копчиком ощущаю что-то горячее и твёрдое, и в тоже время его губы покрывают поцелуями мои шею и плечи. Его руки ласкают мои набухшие и ставшие очень чувствительными груди: то охватывая их, то оглаживая. Пальцы, порой едва касаются затвердевших сосков, то сжимают, заставляя меня постанывать и выгибаться от охватывающих всё тело болезненно сладких ощущений.

Дальше... Эх... Жаль, что это всего лишь сон. Это было нечто непередаваемое! Я раз за разом сотрясалась в оргазмах, находясь постоянно в состоянии затянувшегося экстаза. Партнёры ласкали моё тело, даруя неимоверно сладкие ощущения, а когда дело дошло до секса... В общем, этот фрагмент я вообще почти не помню, слишком острыми оказались обрушившиеся на меня чувства и эмоции. Никогда прежде ничего подобного не испытывала. И да, понимаю, что всё это ерунда и бред, что никакие это не суженые, просто надумала себе всякого, вот и воплотились мои думки во сне. И даже если они и существуют, даже если я их встречу на своём жизненном пути, они будут по одному, а не так как было этой ночью. Но мне кажется после пережитого в этом сне, секс с любым из этих двоих превратится в незабываемый фейерверк ощущений в любом случае, ведь я буду помнить то, что испытывала сейчас и заводиться...

Глава 5 Ночь перед Новым годом

Утром проснулась довольно поздно, если вообще полдень можно назвать – утром. Даже странно, что меня никто не разбудил раньше. Кровать вся перевёрнута вверх-дном, я голая, ночнушка валяется на полу. Тело расслаблено и в тоже время все мышцы постанывают, будто я вчера не полчаса ножками по морозцу прогулялась с тяжёлыми торбами в руках, и потом на санях с комфортом прокатилась, а весь день с утра до вечера в тренажёрном зале провела изнуряя себя физическими нагрузками. Ну и да – между ног мокро настолько, что даже сбившаяся простынь и одеяло местами влажные.

Выскреблась из кровати, заправила её, оделась, привела себя в относительный порядок и пошла искать, где бы умыться. В коридорчике столкнулась с Надькой.

– Ну как?! Приснился? – тут же выпалила она, вместо приветствия.

– Угу, – отвечаю, и вношу поправку: – Приснились.

– Ого! Так ты прямо двоих и видела? Ну и как? А они что-нибудь говорили? А красивые? – затараторила подруга.

– Один – да, – пожала я плечами, о чём тут же пожалела, потому что мышцы вмиг взвыли от боли.

– Один что – «да»? Говорил или красивый?

– И то, и то, – отмахнулась я от назойливого допроса. Произошедшее этой ночью до сих пор было слишком свежо в па-

мяти и делиться с кем-либо своими переживаниями не хотелось. – Ты лучше о своём женихе расскажи. И где тут раковина? – перевожу тему, демонстрируя зажатые в руке банно-прачечные принадлежности.

Проводила меня подруга к умывальнику, при этом не прекращая живописать своего ночного «визитёра»:

– Представляешь! У него глаза голубые, а волосы рыжие! – вещала она. – Никогда прежде, столь яркого контраста не видела. Вот не поверишь, никогда мне рыжики не нравились, но этот такой ла-а-апа. И бог с той свекровью, потерплю уж. И он так на меня смотрел, – с придыханием произнесла Надя. – Эх... – вздыхает тяжело. – Когда ж и где, я это чудо голубоглазое повстречаю? Жаль, что надо было «чур» крикнуть... Видела б ты, как он на меня взглянул, когда я это слово произнесла...

Смотрю на неё, слушаю пылкие восторженные речи и диву даюсь: неужто это наша тихоня Надя? Эка девку цепануло-то! И вот откуда у неё столько эмоций, если она всего-то и успела на него краем глаза взглянуть, да прогнала прочь? Или может врёт, что «чур» произнести успела, правду поведать, стесняясь? Уж сколько у меня эта ночь впечатлений оставила, а делиться ими ни с кем почему-то не хочется. Моё это. Личное.

– Какая-то умаянная ты, – нарисовалась у порога и впилась в меня прозорливым взглядом хозяйка дома. – Чай «чур» сказать не успела?

– Не успела, – потупив взгляд, тихо отвечаю.

– Значит, жди гостей. Пока здесь жить будешь, придётся постоянно этих визитёров принимать, – усмехнулась бабка, и мне показалось или она выглядела довольной?

– Надо, так надо, – смущённо говорю, а внутри всё ликует – вдруг и вправду опять придут...

Как выяснилось, я умудрилась глаза продрать как раз к обеду. Ну это, если учесть то время, что ушло на умывания и трескотню Надюхи. Аньки нигде видно не было, а её бабушка, не обращая на нас больше внимания крутилась возле печи. Я спросила не надо ли помочь, но хозяйка от меня лишь отмахнулась, буркнув что вот-вот всё готово будет. Делать собственно нечего, поэтому мы с Надькой не сговариваясь оделись потеплее и вышли во двор, погулять до обеда.

Вдохнула я полной грудью свежий морозный воздух. Хорошо-то ка-а-ак... Тихо. Небо синее-синее, ни единого облачка и солнце несмотря на мороз кожу пригревает. Снег искрится, хрустит под ногами. Зачерпнула в ладошку снега. Холодный, но липнет хорошо. Стою, комкаю белоснежный комочек, глазаю по сторонам. Так и тянет улыбнуться, но сдерживаюсь, а то Надька потом вопросами замучает...

– А что там бабушка Анина говорила про гостей? – тут же поинтересовалась лепящая снежок подруга.

«Тьфу ты! Сглазила!» – мысленно выругалась я.

– Да я и сама не поняла, – отвечаю.

– Не ври! – запустив в меня снарядом, выкрикнула она

и во избежание скорой расправы, юркнула за стоящую посреди двора пушистую ель.

Кстати, а она тут откуда? Вчера никакой ели во дворе не было. Под утро видать снега свежего насыпало. Но вон же, видны следы. Это мы вчера от дровяника к бане дрова таскали, прямо по этому месту проходя. И вот, ещё чьи-то, большие, явно мужские и относительно свежие, будто кто-то как раз в снегопад и приходили, потому что наши куда больше снегом занесло, нежели эти – новые. Видать к бабке кто-то утром приходил, вот ёлку и принесли. Ну какая же красавица!

– Красивая, – вторя моим мыслям, произнесла понявшая, что никто её снежками закидывать не станет, подруга. – Будем хоровод в Новогоднюю Ночь водить.

– Ага, – отозвалась я и мгновение назад расцветшая на губах улыбка – погасла, ведь если гости будут по ночам приходиться, если будут, конечно, то в Новогоднюю ночь их как раз я их не дождусь, потому что не удастся слинять с праздника, не обидев подруг и хозяйку.

– Чего поникла? – тут же заметила перемену в моём настроении Надя.

Я лишь плечами повела, и опять пожалела о столь резком движении. Да, что ж это со мной творится-то? Прямо калаша старая, а ведь мне всего-то двадцать! Вернёмся в город, надо будет заставлять себя регулярно делать зарядку, а как потеплее станет на пробежки по утрам выходить, а то это

не дело: прошлась по заснеженной дороге с тяжёлой сумкой полчасика и теперь кряхчу после каждого движения.

– Привет, соньки! – жизнерадостно крикнула появившаяся во дворе перекосившаяся под весом какой-то сумки, Анька.

Мы с Надей переглянулись, но ответить ничего не успели, раздался стук в окно, из-за которого нам приглашающе махала рукой баба Клава. Зашли внутрь, и сейчас с мороза, оказавшись в жилой части, я в полной мере ощутила, как же жарко тут натоплено, аж испарина на лбу сразу выступила.

– Мойте руки и за стол, – распорядилась хозяйка, забирая у Ани сумку. – Вот и хорошо... Вот и чудненько, – приговаривала она, что-то выкладывая в холодильник, пока мы с девочками послушно выполняли её приказ.

– Ты где была-то? – интересуюсь у подруги.

– Да в деревню ходила за яйцами, молоком, картошки заодно прикупила, – отозвалась Аня, вот только мне почудилось что она что-то недоговаривает, больно уж подозрительно глаза отводит, может там хахаль у неё?

– А тебе жених приснился? – это, конечно же, Надька никак уговориться не может.

– Угу, – как-то понуро отозвалась наша подруга и мы решили не спрашивать, видимо не по нраву ей сон пришёлся.

– Нечего тайны гадания пересказывать, – прикрикнула бабка. – Сглазите и не повстречаете своих суженых!

Я после её слов мысленно с облегчением вздохнула, радуясь, что ничего поведать не успела, а вот Надька аж ладошки к губам поднесла, осознавая чем её болтовня аукнуть-ся может. Анька же наоборот, набрала полную грудь воздуха и казалось готова была что-то выпалить, но тут же сдулась. Оборачиваюсь и успеваю заметить недобрый прищур хозяйки дома. Хм... я видимо явно что-то недопонимаю в их взаимоотношениях. Аня говорила, что они с бабулей ладят, и души друг в друге не чают. На первый взгляд так всё и есть, но вот же порой нет-нет да ловлю их странные молчаливые перепалки взглядами. Может это из-за того, что мы с Надей неожиданно в гости навалились, и проблем лишних добавили? Надо бы после обеда Аньку один на один подловить и спросить. Если что уеду. Уж лучше одной Новый Год справлять, чем вот так, когда за спиной недобрыми взглядами перекидываются.

И тут всплыли слова Клавдии о том, что пока я здесь, будут гости по ночам заявляться. Вот и сдуло весь мой пыл. Никуда я не денусь. Останусь. Потому что ключевым словом в бабкиной фразе было «здесь». А значит, если уеду, то... Нет, не могу сознательно отказаться от ночных визитов, будь то суженые или сам дьявол.

День пролетел в заботах. Готовились к празднованию: варили овощи, рубили салатики, Анька тортик испекла, потом дом украшали, а до ёлки руки так и не дошли – стемнело.

– Ну молодцы, девоньки, – за ужином похвалила нас хо-

зьяйка. — Одна б я ни по что не стала всего этого делать. Легла бы спать как всегда и всё. А так... — она мечтательно подкатила глазки.

Что будет «так» мы так и не поняли, помогли убрать со стола, помыть посуду и не знаю уж, как там Анька с Надюхой улизнувшие в свои комнаты, а я завалилась спать. Не потому, что поскорее желала гостей, напророченных хозяйкой дома, дожждаться, а просто-напросто ни на что сил уже не было.

На этот раз заснула я мгновенно. Сначала мне виделись какие-то сумбурные сны: вот я в нашей с папой квартире, готовлюсь к Новому Году. Мне лет десять, он держит меня на руках, и я вешаю на пушистую ветвь красивый искрящийся шарик. Потом, мы с Надей отмечаем Новый год у меня на съёмной квартире. По телеку толкает речь президент, а мы неумело откупориваем бутылку игристого вина. И снова мы с Надей рядом, но уже на похоронах моего отца. Она держит меня за руку, но с другой стороны в этот раз стоит Аня. В те времена мы с ней особо-то и не дружили, она просто была Надюшкиной соседкой по комнате в общежитии. Не знаю уж как так вышло, но после того трагического дня девушка вечно была рядом, постепенно став неотъемлемой частью нашей компании. А потом... потом, послышался скрип так и не открывшейся двери, затем тихий стук и...

Ну да, я же сегодня перед сном закрылась на щеколду, чтобы ну... мало ли чем я тут занимаюсь в то время как вижу

своих суженых? Не хотелось бы чтобы появились свидетели. Кто же мог предположить, что их реальный замок остановит. Я даже усомнилась на мгновение – сон ли это? Может это кто-то из девчонок поболтать решил? Пришлось встать и открыть. На пороге комнаты стояли двое. Те самые, из вчерашнего видения.

Стоило отступить на шаг назад, они тут же просочились внутрь, не забыв закрыть за собой дверь. Блондин притянул меня к себе и поцеловал. По сознанию резанул странный факт: нос у него холодный, явно с мороза, но никакой верхней одежды, будь то куртка или пальто – нету, лишь обтягивающий бадлон, джинсы и... Что там внизу? Я на миг даже отстранилась от блондина, окидывая взглядом, но рассмотреть не успела, так как была перехвачена стоящим за моей спиной крепышом. Его тёплые ладони вмиг очутились у меня под ночнушкой, прошли лёгкими движениями от талии к животу, скользнули вверх и сжали холмики груди.

Блондин тем временем уже успел избавиться от верхней части одежды и потянув мою футболку вверх, оголил частично и меня. Крепыш же продолжал ласкать мою грудь, прижимаясь к моей, теперь уже обнажённой, спине и покрывая шею будоражащими кровь поцелуями, а где-то ниже, я отчётливо ощущала реакцию его тела на эти нехитрые действия.

Спустя мгновение блондин вновь очутился рядом, и я едва с ума не сошла в тот миг, когда он приблизившись вплот-

ную, своим торсом коснулся моей груди, которую словно по заказу в этот момент выпустил из своих рук отошедший от меня крепыш. Я сама не поняла, как лишилась штанишек, оставшись в чём мать родила. Да и не столь это важно было, ведь сзади уже вновь подобрался крепыш и был он... Ну скажем так, тоже не совсем, а вернее, совсем не одет и его возбуждённое осадное брёвнышко тут же просочилось между моих ног. Нет, внутрь оно не попало, и судя по лёгким, ёрзающим движениям его хозяина, всё именно так и было задумано: он продолжал покрывать поцелуями мою шею, руки то нежно, то почти болезненно-жёстко ласкали мою грудь, а то, что ниже плавно двигалось промеж моих ног. Блондина куда-то сдуло, но мне было всё равно, я таяла от охвативших моё тело ощущений: мои соски затвердели, превратившись в неимоверно чувствительные комочки оголённых нервов, успевшие набухнуть от возбуждения нижние губки игриво и многообещающе щекотало вздыбленное мужское достоинство крепыша...

Затем мужчина слегка отстранился и надавил на поясницу, заставляя прогнуться. Его губы заскользили по спине оставляя за собой горящие дорожки, а когда шаловливый язык легонько пробежался вдоль позвоночника, я аж поёжилась от обилия щекотливых мурашек, табунами разбежавшихся по всему телу. А тем временем его рука всё больше надавливала на мою поясницу, принуждая нагнуться ещё ниже. И я послушно исполняла его волю, а сердце замирало

в предвкушении, что сейчас, то что до сих пор ласково касается моих нижних губок скользнёт внутрь и...

Оно отстранилось, оставив послевкусие разочарования. Но уже в следующий миг я задохнулась от сладости, охватившей меня истомы: его губы прильнули ко входу в святая святых! Я выгнулась пуще прежнего, подставляя всё самое сокровенное под эти бесстыдные ласки. О, боги! Вот это ощущения! Какое же счастье, что всё это всего лишь сон, в реальной жизни, я никогда бы не осмелилась на столь откровенные отношения, да ещё и с двумя партнёрами. И да, в этот момент их уже было двое – перед моим лицом маячил возбуждённо вздрагивающий ствол блондина. Не заставляя себя просить, взяла его в руки. Погладила, сквозь туман удовольствия отметив как он напрягся, выступила переплетающая его жилка, кожа на головке заблестела от избытка прилившей к органу крови, а на кончике выступила капелька смазки. Всё! Не держите меня...

Я неистово извивалась в руках ласкающего всю мою промежность крепыша, одновременно ублажая стоящего передо мной мужчину, каким-то чудом умудрившегося дотянуться до моих груди. Весь мир поблёк, превратившись в одно сплошное удовольствие. Перед глазами всё плыло, и я не осознавала открыты они или закрыты? И не важно, что мы стоим возле самой двери, главное мне... нам – хорошо!

Сколько продолжалось это безумие? Не знаю. Я помню, как билась в конвульсиях экстаза, а крепыш присасывался ко

мне будто выделяемый мною нектар был спасительной жидкостью для утомлённого долгим переходом по пустыне путника. И тут же блондин вцепился в мои волосы натягивая меня поглубже на своё мужское достоинство, которое запульсировало, ударив горячей струёй в моё нёбо.

Потом мы перебрались на кровать. Я была сверху, снизу, сбоку. То с одним, то с другим, то с двумя партнёрами одновременно. И да, я в этом сне лишилась последнего оплота «девственности». Поначалу было больно, но мужчины так активно ласкали моё тело, что я быстро забылась, забившись в очередном, неведомом доселе оргазме. Сколько это продолжалось? Не знаю. Как же жаль, что у реальных парней не может быть столько сил. Ведь те немногочисленные сексуальные партнёры, которые у меня были до этого, максимум выдерживали минут сорок и сдувались. А эти... Наверное, бабка права и ко мне во снах являются воплощения самого дьявола-искусителя. Вот и как теперь жить, если я каждого мужика буду сравнивать с ними?

Эти мысли проскользнули в моём проваливающемся в дрему сознании, как и в прошлый раз я не заметила уход ночных визитёров. Зато утром удивилась, когда меня разбудила вошедшая в комнату Аня, я ведь точно помнила, что перед сном закрывалась на щеколду, о чём и поведала подруге.

– Ой, – отмахнулась та. – Может ночью в туалет вставала, и забыла.

– Может и так, – сонно буркнула я, ощущая, что с превеликим удовольствием вздремнула бы ещё часиков пять, как минимум.

– Вставай, – не отставала от меня Анька. – Ёлку наряжать пойдём.

– Иду, – вздыхаю, не спеша выбираться из постели, потому что вижу, что моя ночнушка валяется на полу: футболка ближе к двери, штанишки возле окна, а демонстрировать тот факт, что сплю голышом, почему-то не хотелось.

И вот понимаю же, что всё это бред, но закрались в мою голову сомнения после того как я умывшись посетила туалет. Ох, не спроста моя дверь оказалась открыта, и вещи раскиданы именно там, где их и снимали с меня во сне. И кровать опять вверх-дном, и между ног всё буквально плавает, и тело ломит и одновременно тает в истоме, как после невообразимо качественного секса, коего в моей жизни никогда ещё не было... и вот напрашивается вопрос: а точно ли – «как»? Больно уж странные ощущения у меня в той зоне, которая этой ночью во сне лишилась невинности. Тут же и примеченные вечера следы на снегу припомнились. Вот сейчас выйду и внимательнейшим образом изучу снег во дворе. Бред, конечно, но вдруг всё это взаправду?

Последняя мысль одновременно вгоняла в грусть и обнадеживала. Да, не скрою, я хотела, чтобы это оказалось правдой и что уж теперь смущаться? Я бы продолжила отношения уже вполне сознательно. И в тоже время, стало грустно

из-за того, что это не могло произойти случайно. Выходит, всё подстроено? Я всего лишь подстилка? А Анька специально притащила нас сюда, чтобы... Чтобы что?

Глава 6 Предновогодние открытия

– Куда опять намылились? – спросила хозяйка, стоило мне выйти в общую комнату, где бабулька суежилась возле плиты.

– Так, Анютка же сказала, что пора ёлку наряжать, – отвечаю.

– А-то они вдвоём бы не управились, – проворчала она. – Садись за стол, егоза, сейчас и подружек твоих кликну.

Сказано садиться – села. Сижу. Жду. А саму любопытство снедает – что-то я во дворе увижу? Найдутся ли новые мужские следы? Пока я голову ломала, обдумывая как отнестись к ситуации, если следы всё же обнаружатся, девчонки подоспели. Смеются, разругались с мороза. Помыли руки под строгим взглядом хозяйки и уселись за стол. Бабулька тут же оттаяла и стала потчевать нас пирогами, кои она оказывается рано утром испечь успела. Завтрак прошёл в благодушной обстановке, ну а потом, мы собрали посуду, собираясь вымыть, но были отправлены во двор – зелёную красавицу донаряжать.

Первым делом я бросила взгляд на снег и... горько вздохнула. Он был убран! Не весь конечно, но все те места, где ходят, были подчищены, и единственные следы, которые сейчас можно было различить – это следы от лопаты. Возникла мысль пройти к калитке, и посмотреть за ней, уж там-то

максимум до дороги бы почистили, но дальше-то всё равно следы бы остались.

– Эй, – окликнула меня Анька, в тот момент, когда я уже собиралась двинуться к выходу со двора. – Хватит фило-
нить. Вон коробка, будешь доставать игрушки и подавать
нам, – с этими словами она взобралась на невесть откуда
взявшуюся высоченную треногу, а Надя с очередной ёлоч-
ной игрушкой в руках кружила вокруг ёлочки высматривая
куда бы повесить свой трофей.

В общем, поотлынивать не удалось. Пришлось принять
деятельное участие здесь и сейчас, а не через пять минут,
после удовлетворения своего любопытства.

Спустя примерно полчаса танцев с бубном вокруг ели, мы
удовлетворённо рассматривали дело рук своих.

– Красота! – вынесла вердикт Надя.

Мы с Анюткой согласились. После чего я под предлогом
того, что продолжаю любоваться ёлкой задержалась во дво-
ре, а девчонки вошли в дом. Дождавшись, когда за ними
захлопнется дверь, я поспешила к калитке, но дойти так
и не успела, потому что из дома раздался Анькин истошный
крик. Не понимая, что происходит, я бросилась в дом.

В общей комнате моему взору предстала следующая кар-
тина: хозяйка дома явно без чувств лежит на полу, рядом
с ней сидит бледная как смерть Анька, а вокруг них, как
курица-наседка носится и кудахчет не знающая что делать
Надка.

– Что случилось? – стараясь сохранять спокойствие интересуюсь, понимая, что от суеты толку не будет.

– Не знаю, – шмыгая носом, проблеяла заливающаяся слезами Аня. – Мы вошли... А она... Вот...

– Угу, всё понятно.

Подошла, отстранила подругу. Прощупала пульс, вроде нормально – жива. Сбегала в свою комнату выудила из сумки мобильник. Связи нет. Подошла к Ане, присела напротив неё на корточки, взяла за плечи и встряхнула, насколько могла, с учётом моих ноющих мышц.

– Ей врач нужен, где тут сеть ловит?

– Нигде, – шмыгнула носом подруга. – Вышки все далеко.

– Ладно, – говорю, пользуясь тем, что она вроде бы начала более или менее адекватно реагировать. – Как можно вызвать скорую?

– Никак, – вздыхает.

– Ну а машина-то у кого-нибудь в деревне есть? Не может же быть, чтобы лошадь деда Степана была единственным транспортным средством во всей округе.

– Есть! – вскинулась Аня, готовясь бежать, но тут же вновь шлёпнулась на пол рядом с бабушкой. – Я её так не оставлю.

– Не оставляй, мы сами сбегает, – подала голос взявшая себя в руки Надя. – Где живут те, у кого транспорт имеется?

– У них... Я... Может и телефон есть? А... – лепетала подруга.

– Конкретнее, – не выдержала я.

– От нашего дома по дороге налево...

– То есть, не в сторону деревни? – уточнила Надя.

– Да, в другую, – отозвалась Аня. – Где-то с километр.

Потом вправо дорога пойдёт через лес, там ещё шлагбаум. Вот за него и надо.

– Кого там спросить? – это уже я.

– Леонида...

Мы с Надей быстро оделись, обулись и помчались к неведомому Леониду. День выдался очень морозным, при дыхании не только пар шёл, но и все слизистые в носу и носоглотке казалось слипались от холода. Пока мы возле ёлки крутились, это как-то не сильно ощущалось, а вот сейчас, когда спешим – да, кажется ещё чуть-чуть и лёгкие смёрзнутся. Разговаривать мы не решались, боясь простудиться. Молча топали по занесённой дороге, утопая в снегу то по щиколотку, а то и вовсе чуть ли не по колено, когда оступались и попадали в колею. Я же начинала сомневаться, проедут ли по такой дороге? Нет, видно, что тут иногда машины бывают, хотя в последний раз ехали ещё до снегопада или как раз во время его, и явно это была не легковушка, та здесь точно не пройдёт. Вот же подарочек под Новый Год. Сегодня подруга явно проведёт ночь в больнице. И ведь это ещё в лучшем случае, а в худшем дома и в слезах...

Нужный поворот оказался весьма приметным – дорога после него оказалась расчищена, собственно, как и та, что вела в лес.

– Сразу видно – богатеи, – проворчала Надя.

Обещанный шлагбаум, обнаружился метров через тридцать от основной дороги и скрывался за поворотом, из-за чего мы даже засомневаться успели – туда ли идём? Теперь, когда стало ясно, что цель близка, словно второе дыхание открылось и мы прибавили скорости. Когда после очередного поворота открылся вид на свободное от леса пространство, я аж споткнулась, встав как вкопанная. Перед нами, вернее метрах этак в тридцати от нас, возвышался наряженный будто новогодняя ель, сверкающий неисчислимым количеством разноцветных фонариков и гирлянд, здоровенный трёхэтажный особняк. Да-да! Именно особняк, а вернее, наверное, маленький дворец – огромные арочные окна, высокое крыльцо, к которому с двух сторон полукругом подходит очищенный от снега пандус, а по центру ограждённая белоснежными балюстрадами широкая лестница, ведущая к парадному входу, и на самом здании пилястры, капители... Всё это в свойственной центру Питера палитре: кремово-жёлтый основной цвет штукатурки, и белая – элементы декора. Только что статуэток на крыше не хватает для полноты картины.

– Неожиданно, – выдавила застывшая рядом со мной Надя.

– И не говори, – отозвалась я. – Интересно, нас хоть на порог-то пустят? И кто такой этот Леонид? Работяга какой-нибудь или хозяин?

– Ну не звери ж они, – буркнула подруга.

Драгоценное время уходит, и мы поспешили навстречу неизвестности. Поднялись по лестнице, помялись пару секунд на пороге и я-таки решилась нажать на кнопку звонка, совершенно нелепо смотрящуюся на этом архитектурном шедевре.

Открыл нам... Хм... «Что-то мне это напоминает», – мелькнула мысль. И только тогда, когда сзади донеслось придушенное кашлянье – вспомнила. А ведь точно также выглядел описанный Надюхой суженый: довольно высокий, где-то метр восемьдесят пять – не меньше, неплохо сложенный мужчина лет тридцати с небольшим, и да, не то, чтобы он являлся обладателем огненной шевелюры, его волосы, скорее напоминали по цвету перезрелую пшеницу, этакие с позолотой и да, в комплект шли ярко-голубые глаза.

Может всё это, конечно и совпадение, но я напряглась, ведь мои опасения начинали получать подтверждение, а я так и не определилась как же стоит относиться ко всей этой ситуации.

А эти двое, тем временем, не отводя глаз смотрели друг на друга. Сомнения не было, парень узнал Надю, как и она его. Вопрос: между ними что-то было? Или нет? Хотя... О чём я думаю?!

– Нам срочно нужна машина или телефон, – выпалила я.

– Кому это там срочно что-то понадобилось? – откуда-то из холла донёсся знакомый до боли голос и...

Я ощутила, что моё тело реагирует не совсем адекватно для сложившейся ситуации: мы ведь звать на помощь пришли, а у меня язык к нёбу прилип, ноги вмиг ослабели, сердце забилося где-то в районе горла, норовя выскочить наружу, а дыхание наоборот сбилось. Наверное, только что Надя испытывала нечто похожее. Вот и случилось то, чего я так боялась!

– Там... – оказавшаяся к этому моменту рядом подруга, махнула рукой куда-то назад.

– Что там? – уточнил блондин.

– Нас послали за помощью к некоему Леониду, – наконец-то совладав с голосом, произношу.

– Ну, – вздохнул блондин. – Я – Леонид. Что за помощь-то нужна? – и по его вновь ставшему высокомерным лицу, видно, что наше появление здесь, никак не вписывается в его планы.

– Клавдии Федотовне плохо, – ответила Надя. – Она без сознания, а у нас нет ни машины чтобы её отвезти, ни связи, для вызова неотложки.

– Ладно, посмотрим, – буркнул блондин. – Может неотложка и не понадобится. Серёга! – обернувшись куда-то назад, громогласно крикнул он.

Спустя минуту я увидела второго из моих «суженых». Крепыш не смог скрыть удивления: его брови приподнялись, и он с вопросом уставился на Леонида.

– А я-то, что? – отозвался на немой вопрос блондин. –

Они сами пришли. Бери свои врачебные манатки, едем к Федотовне.

Ещё спустя пять минут мы уже тряслись по колдобинам на мощном внедорожнике. За рулём был Надин рыжик, справа от него сидел Леонид, ну а мы с Надей и крепышом – сзади. Причём оказавшийся врачом парень, сел рядом со мной, и несмотря на то, что салон был очень просторным, он так и норовил прижаться, совершенно не своевременно вызывая выработавшиеся за последние две ночи рефлексy. Проще говоря, я сейчас, вместо того, чтобы думать о том, как там хозяйка дома, жаждала оказаться в его объятиях и в нетерпении ёрзала на сиденье, ни в силах совладать с собственным телом.

Глава 7 Нежданный переезд

Хотя... может это моё взбудораженное открывшимися фактами сознание так шутило, и поэтому казалось, будто крепыш нет-нет да подбирается ко мне поближе, подгадывая это движение к очередной колдобине? Но в любом случае, реакция моего тела – бесит. Я же не кошка подзаборная, не шалава какая-то. Узнав, что меня сознательно пользовали два мужика злиться надо, а я... Я в полной растерянности. И ещё... ещё в голове не укладывается, что всё это вполне осознанно могла допустить Анина бабушка. Всё-таки как ни крути, а у деревенских, совсем другой менталитет, да и поколение её не знало свободной любви, а порнушки в интернете и по каналам кабельного в ночном эфире в те времена тоже не было. Да и сейчас, вряд ли она такое смотреть бы стала.

Что-то тут не так. Вот только как всё выяснить? Клавдию Федотовну, даже если в сознание придёт, расспрашивать сейчас, наверное, не стоит. Всё-таки возраст и лишние потрясения ей ни к чему. Анька? Она может и не знать всех нюансов, а у якобы «суженых» спросить... Бросила беглый взгляд на сидящего на переднем сиденье блондина и... засмотрелась! Хорош, зараза! Я непроизвольно губку закусила, не отрывая взгляда от его рта, а перед мысленным взором, наслаиваясь на реальные картинки, проносятся воспо-

минания из «снов». Как его губы меня целовали и где, тело тут же отозвалось волной желания...

Ну уж нет! Вот у кого-кого, а у них, после всего что между нами было, я точно не буду ничего узнавать! – одёрнула себя и отвела взгляд. Толку-то? Буду мямлить, краснеть и да, вот как сейчас, думать совсем не о том, чём следовало бы. Чёрт! Как теперь жить-то? Да, отсюда я уеду и больше никогда не встречу ни одного из них, но воспоминания-то некуда не денутся. Буду я всех последующих мужчин сравнивать с этими самцами. А как ни крути – они были более чем на высоте. И за что мне это? Мало что ли на моём недолгом веку бед было?

Так в размышлениях, а вернее, внутренних терзаниях, мы и приехали к дому Аниной бабушки. Стоило выбраться из машины и Сергей по-свойски буквально влетел в дом. Надя же дёрнула меня за рукав, намекая, что стоит задержаться во дворе.

– Ки-и-ир... – глядя на закрывшуюся за рыжиком дверь, протянула подруга. – Ты в судьбу веришь?

Взглянула я на неё и едва не расхохоталась: поверила, наивная! Но у подруги было настолько ошеломлённое выражение лица, что разочаровывать её я не решилась. Да и что сказать? Мне даже неведомо, что между ней и рыжиком было. Может и вправду он всего лишь зашёл, подождал пока девушка уснёт и смылся? Это я... мои...

– Эх! – в чувствах махнула я рукой. – Чему быть, Надь,

того не миновать.

– Это он! Там, в том сне! Понимаешь? – не унималась она. – Нет, ну что ты, не веришь мне, да? – воззрилась на меня, подруга.

– Верю, верю... – вздыхаю, не зная: что делать? В дом идти не хочется, там эти двое. Тут оставаться, во-первых, холодно, а во-вторых, имеется риск, что не сдержусь и вывалю на Надюху всю суровую правду жизни. Может, это было бы и правильно, но... – Думаю, стоит вещи собрать, – говорю. – Если Анину бабушку в больницу заберут, нам тут делать нечего будет.

– Это да, – вмиг пригорюнилась подруга.

Жаль её. Вот сейчас голову забьёт глупостями, а потом страдать будет, когда всё пойдёт совсем не так, как она ожидала. Да что уж там? Я и сама хороша. Сны! Хороши сны, после которых вся комната вверх-дном, закрытые с вечера двери наутро оказываются открытыми, тело ломит как после усиленных тренировок, а во дворе мужские следы обнаруживаются, хотя в доме одни женщины.

Проскользнули мы в дом, миновали общую комнату, оказавшуюся к этому времени безлюдной. Судя по доносящимся из хозяйской спальни голосам, пожилую женщину перенесли туда.

– А может всё обойдётся? – уже возле дверей в наши комнаты, с надеждой бросила на меня взгляд подруга.

Я лишь плечами пожала, ну как ей объяснить, что после

всего того, что узнала, сама оставаться здесь не хочу. Одно дело, если бы сама, сознательно с ними познакомилась и решив, что мы больше никогда в жизни не встретимся, пустилась во все тяжкие, а то, что они пользовались моим телом, благодаря обману и моей наивности, это уже совсем другое. И хорошо ещё, что только две ночи. Не случись сейчас беды с Аниной бабкой, я возможно все каникулы подстилкой им служила, выполняя их извращённые фантазии. Выматывалась же из-за бессонных ночей так, что мозги почти не ображали! Это вообще чудо, что заметить что-то сумела.

В таких вот раздумьях, мои вещи одна за другой летели в сумку. Я даже не могла понять на кого больше злюсь: на себя, на Аньку, на её бабушку, или на Леонида с Сергеем? Чёрт! Да они вообще для меня безымянными были. Устроили себе развлечение за чужой счёт. От меня конечно не убыло. Что уж там? Получила удовольствие, на которое никогда бы и ни за что не решилась в здравом уме. Но всё равно – обидно.

«Может, ты жалеешь, что всё закончилось и больше не повторится?» – поддел меня собственный внутренний голос. И, наверное, он прав. Но как можно признаться пусть и самой себе в подобном? Вот и я не смогла, продолжая убеждать себя, что обижена и оскорблена до глубины души.

Стук в дверь застал меня в тот момент, когда уложив все вещи, заканчивала застилать кровать. Неудобно было уезжать из чужого дома, оставив в комнате погром. Чтобы всё

произошедшее не означало, но я не свинья какая-то. Да и вообще, не хотелось, чтобы что-то напоминало о моём присутствии в этом месте, «или о происходившем тут по ночам?» – подло поддел мой язвительный внутренний голос, было б время, вообще всё вымыла бы как следует, но пришлось ограничиться малым: разложить всё по местам, расправить кровать и... попытаться забыть.

– Мы едем в больницу, – тихо произнесла мнущаяся возле двери Аня.

– Я уже собралась, – закидывая сумку на плечо, говорю.

– Прости, – не отрывая взгляд от пола, ещё тише произнесла девушка.

– Зачем? – только и смогла спросить я, но тут за её спиной нарисовался Сергей.

– Самое необходимое я сделал, – произнёс он. – Но тянуть не стоит. Инсульт штука опасная.

– Да-да, – встрепелась Аня. – Мы уже готовы, – добавила она и бросив в мою сторону какой-то странный взгляд, выскользнула за дверь.

Не желая оставаться один на один с крепышом, я поспешила следом за девушкой.

– И ни о чём не спросишь? – преградив мне путь, поинтересовался Сергей.

– Доктор, у вас пациент вот-вот скончается без вашего внимания, – не удержавшись от колкости, съязвила я, и выскользнув из капкана его рук, устремилась к выходу из до-

ма, где переминалась с ноги на ногу навьюченная сумками Надя. – Где дом деда Степана? – уже возле дверей уточнила я, понимая, что в одну машину мы все не влезем, особенно с учётом состояния Аниной бабушки, а идти пешком до станции совершенно не хотелось.

– Вот, – промеж делом, Аня всучила нам с Надей две набитые верхом, здоровенные сумки. – Нам с бабушкой много не надо, – говорит, по-прежнему отводя взгляд. – Даже если вернёмся скоро, то всё равно пропадёт всё уже. А вам на праздник...

Переглянулись мы с Надькой, и забрали у неё торбы. Нам-то что? Пригодится. Денег почти нет, а новогоднюю ночь на голодный желудок отмечать не хочется. В конце концов, за Анькой должок остался. Вот вернётся в общагу, я с неё живой не слезу, пока не объяснит, что тут вообще творилось.

Сумки в руки взяла, а в душе подлой змеей свила кольца надежда, что мои «суженые» сейчас скажут, что глупо уезжать в канун Нового Года и пригласят к себе. Дом-то там огого-го какой большой. Да, я буду ломаться, прежде чем позволю себя уговорить, а скорее всего всё же откажусь... Но...

Никто и не подумал нас задерживать. Объяснили, где нужного нам дедка разыскать и всё. Даже обидно, ей богу!

Вышли мы с Надюхой на дорогу. Морозно. Хоть тучи и разбежались, но солнышко сегодня совсем не пригревает почему-то. Мимо просигналив проехал уже знакомый нам джип, из окна которого в нашу сторону грустно взглянула

Анька. Блондин, сидевший по-прежнему на переднем сиденье, даже голову не повернул. Ну да и ладно! Не больно-то и хотелось!

Хотя... Бравада это, а на самом-то деле, обидно настолько, что в горле болезненный комок встал, и даже сглотнуть не могу.

– Надеюсь ещё увидимся, – едва слышно прошептала подруга, глядя вслед удаляющейся машине. – Кир... – начала что-то говорить она, но я лишь отмахнулась.

Так и шли молча минут пятнадцать, пока не добрались до нужного дома. У знакомого дедка хоромы оказались славные – высокие, с резной отделкой и высоким крыльцом. Как нам и сказали на его крыше сидел петух. Нет, не настоящий, а флюгер. Хозяйские уголья охранял здоровенный пёс, тут же разразившийся лаем, стоило подойти поближе.

Потоптались мы возле калитки, решив, что хозяева сами на такой шумный «звонок» выйдут. Ан нет. Может дома нет никого? Перспектива добираться до станции пешком не радовала, путь-то неблизкий оказался как показала практика – часа два, а то и больше топать. Прошли мы во двор, благо псина на цепи была, взобрались на высокое крыльцо. Поискали звонок. Так его и не обнаружив, просто-напросто постучали.

Какое-то время ничего не происходило. Всё так же лаял пёс, всё также мороз щипал за нос и щёки, а потом, когда я уже собралась разворачиваться, мысленно готовясь к долгой

пешей прогулке, дверь распахнулась и воззрившийся на нас дед Степан, охнул:

– Ох ты ж! А вы чего енто тут? Никак Федотовне что понадобилось?

– Здравствуйте. Спросить хотели, – говорю. – Не подвезёте до станции?

– Ежели срочно, то подвезу. Чего ж не подвезти-то? Вы в дом-то входите, чего на пороге торчать, – хозяин отступил в сторону, пропуская нас внутрь.

Вошли мы. Хорошо у него. Уютно, хотя женской руки и не чувствуется, видать один живёт. Молодец, дедок, порядок везде, только пыль кое-где, а так, ничего не разбросано, посуда чистая и на своих местах.

– И куда ж вы поедете? Неужто с Клавкой не заладилось что? – интересуется.

– В больницу Клавдию Федотовну только что увезли, – ответила Надя. – Аня с нею уехала, ну не оставаться же нам в чужом доме.

– Хм... – подёргал себя за куцую бородёнку дедок. – Вот оно как, оказывается... А! – он аж вскинулся весь, взирая с надеждой своими светло-серыми глазками. – Оставайтесь у меня, а?

– Э-э-э... – опешила я от такого неожиданного предложения, и хотела уже отказаться, но он продолжил:

– Ну а что? Дом у меня большой, не потесните. И мне веселее будет. Всё не одному куковать. Дети-то с внуками

на тёплые моря подались, не хотят задницы в деревне морозить, – уже тише проворчал он. – Оставайтесь, а? – и переводит взгляд с меня на Надьку и обратно.

Стоит ли говорить, что подруга на меня тут же с мольбой уставилась. Оно и ясно – надеется «суженого» встретить наяву ещё хоть разочек. Вот же, наивная душа.

– А точно не потесним? – уточняю.

– Стал бы я зазывать, коль места жалко было б! – взмахнул руками старик. – Так что? Остаётесь? Если нет, так отвезу, конечно... – нехотя добавил он, продолжая с надеждой смотреть на нас.

– Ай! – теперь уже я рукой махнула и озвучила своё решение, пока не передумала: – Остаёмся, дед Степан. Спасибо что приютить решили.

– Так я ж только рад, – заулыбался хозяин. – Думаете одному тут сильно весело живётся? Вот порой к Федотовне поболтать заезжал. А по деревне-то жилых домов не так уж много осталось, в основном дачники. А им – залётным, до местных стариков дела нет. Ну и молодым с нами тоже неинтересно. Вы вот сюда проходите, – поманил он нас. – Вы в одной комнате или порознь? Как хотите? – спрашивает.

– Лучше в двух, – решила обнаглеть я, и тут же пояснила: – Мы с Надюшкой в одной комнате в общежитии друг другу пуще пареной репы надоели.

– Ну вот тогда, – произносит, распахивая две двери. – Выбирайте, – добавил он, а у меня дежавю, вспоминается как

те же слова нам с Надей Аня в доме своей бабушки говорила.

Разложили мы вещи, взялись сумки Анькой собранные разбирать. Оказалось, что она практически всё, что мы вчера наготовили нам отдала. И салаты в одноразовые пакеты выложены оказались, и мясо в печке запечённое в пищевую плёнку завёрнуто, и торт аккуратно упакован, и спиртное на праздник предназначенное, ну и то, что закуплено заранее на две недели, типа сосисок, колбасы и прочего. Вот и когда успела-то всё собрать, спрашивается? Дед суетится, раскладывая всё по полочкам в холодильнике. Да приговаривал:

– Вот это знатный праздник у нас будет... Вот так подвезло старому... Вы ж не думайте, я с пониманием. Сейчас в лес схожу ёлочку срублю. Достанем игрушки с чердака... Только пыльно там. Их же лет десять, наверное, не доставали...

Глава 8 Обретение родни

Усадил нас хозяин за стол, чаем угостил. Расспросил о том, что с Федотовной стряслось, потом показал, где находится лаз на чердак и лестница, наказав к его приходу коробку с игрушками новогодними отыскать и треногу для её установки, описав предварительно, как та выглядеть должна, а сам в лес, за ёлкой, ушёл.

Чердак в отличии от дома оказался жутко пыльным, захламлённым и затянутым паутиной, ну и да, тут конечно не так морозно, как на улице, но тоже холодно оказалось. Чего здесь только не было: и фуфайки старые, и корзины, и мешки с чем-то явно ненужным, коль они таким слоем пыли покрыться успели. Ну и да, коробок тут тоже оказалось немало, но мы справились – нашли. Правда, обчихались все и извозюкались как свинки.

Спустившись вышли как есть – без верхней одежды на улицу, отряхнулись и кляцая зубами от холода, вернулись в дом. Быстренько умылись, переоделись, и поставили чайник собираясь отогреться. Благо, после нашего первого чаепития на столе банка с малиновым вареньем осталась и мы, недолго думая на него поднаесли, так сказать, в качестве профилактики от простуды. Хотя вкусно было, с этим не поспоришь.

Дед Степан вернулся часа через полтора. Ёлочка оказа-

лась душистой и шикарной, хоть и не такой большой как та, что осталась во дворе Клавдии Федотовны. Под дедовы шутки-прибаутки нарядили лесную красавицу. Как-то легко рядом с ним было, все бывлые терзания ни то чтобы забылись, но ушли на второй план. А там уж и время обеда подоспело.

– Сейчас картохи наварим, – любуясь творением рук наших, произнёс дедок. – Солонину достану. Огурчики, помидорчики.

– Так есть же готовое, – воззрилась я на хозяина дома.

– Не-е-е, то у нас к ночи пир будет, – пошёл в отказ он. – Иначе и праздник не заметим, если сейчас всего попробуемся. А у меня этого добра хватает, – ставя кастрюльку с водой на огонь, говорит. – Эх... Только хлеба свежего нема... – пригорюнился он.

– А магазин есть? – тут же отозвалась Надя.

– Есть, как же не быть? – вскинулся дедок. – Сходишь? Я денег вот дам... – он пошёл в сторону одной из дверей, за которой очевидно располагалась его спальня.

– Не надо! – крикнула ему вслед подруга. – Уж на хлеб-то у меня хватит, – добила уже тише.

В общем, Надя ушла, а мы с дедом Степаном, непрестанно болтая о том, о сём, принялись обед готовить: я картошки начистила, он в погреб за банкой солений слазал, из холодильника шмат солонины достал и нарезав её кусочками, обжарил. Пока она шкворчала на сковороде, я чуть слюной не изошлась, до того умопомрачительным оказался исходя-

щий от этого нехитрого блюда аромат. Вскоре в доме, от печи и газовой плиты стало невыносимо жарко, пришлось форточку открыть, проветрить. И вот, всё готово уже, а Надьки всё нет да нет. Я заволновалась даже:

– Может очередь в магазине? – произношу.

– Может, конечно, и так, – отвечает беспокойно поглядывающий в окно дедок. – Вот только магазин недолго сегодня работает. Лидке, продавщице нашей, тоже домой надо к празднику готовиться. Думается мне, закрылась она уже. И идти тут недалеко, не заплутает. А вот и наша гулёна заявила, – добавляет, а с улицы доносится едва слышный звук захлопывающейся дверцы в машине.

– Кто это там? – интересуюсь, решив, что к нашему хозяину ещё гости пожаловали, а то вдруг сейчас выпроводит?

Но увидеть ничего, кроме идущей по двору подруги не успела. Если машина и была, то уже успела отъехать, оставшись вне поля зрения.

Вошла сияющая как начищенный медяк Надька. Выставила на стол несколько буханок серого хлеба, пару батончиков... вот чего-чего не ожидала от неё, так это покупки баночки красной икры и вакуумной упаковки с форелью слабой соли в нарезке.

– Жируешь, – покачала я головой. – Зачем, Надь? У нас и так всего хватает.

– А это не я, – улыбнулась подруга. – Это – презент.

Вот только на вопросы она отвечать явно не собиралась,

что по лицу было видно, пришлось любопытство своё спрятать до поры до времени. Имелось у меня одно предположение, и оно вовсе не радовало. Ну и ладно, дождёмся Нового Года, а там, после того, как выпьем, всё и выведаю. У Надьки после первого же глотка чего-либо спиртосодержащего, язык за зубами не держится. Нет, чужие тайны она ни за что не выболтает, что я особенно ценю в подруге, а вот свои, как на духу выложит.

Сели за стол, и то ли я такая голодная была, то ли у деда картошка какая-то особенная и жутко вкусная, да и солони-на показалась мне ещё тем деликатесом. А если учесть, что всё это со свежим, ещё хрустящим хлебешком... М-м-м... Попив чаю с остатками всё того же малинового варенья, принялись со стола убирать. Я вызвалась пыль протереть в доме и полы вымыть. Всё-таки считается, что этой ночью мы войдём в новый год, а значит и в новую жизнь. А чистый лист, должен быть – чистым. Хозяин отнекиваться не стал. Притащил мне воды с колодца, добавил туда кипятка из чайника, вручил тряпки и ушёл по каким-то своим делам во двор.

Кручусь-верчусь, стараясь отвлечься от одолевающих меня мыслей, а Надька села у окошка, сидит и мечтательно на дорогу смотрит, будто чего-то ждёт.

– Кого ты там гипнотизируешь? – спрашиваю.

– Никого, – рассеяно отвечает подруга, а у самой таинственная полуулыбка по губам нет-нет да проскользнёт.

– Может, поможешь всё-таки? – говорю. – Нас приютили,

надо хоть чем-то за добро отплатить.

– Может... – отозвалась Надька, но с места так и не тронулась.

– Вот только не говори, что опять суженого видела, – решила я изменить тактику допроса, коль уж помощи ждать не приходится.

– Кир, ты завидуешь, да? – наконец-то повернула в мою сторону вполне осмысленное лицо, подруга, а я аж растерялась от подобного заявления.

– И в мыслях не было, – отмахнулась я и продолжила пыль вытирать, ощущая, что Надя до сих пор не сводит с меня взгляда.

В общем, ясно. Влюбилась девчонка. Вот такой – рассеянной я никогда её прежде не видела, а ведь она встречалась с ребятами, у неё личная жизнь куда более активная и насыщенная, нежели у меня. Одно я поняла однозначно: ничего из моей истории рассказывать ей теперь нельзя. Не поверит, не поймёт, ещё и обидится, считая, что я специально на её любимого и его друзей наговариваю. Жаль, что всё так сложилось. Нет, если у неё всё получится, я буду только рада. Главное, чтобы потом не пришло время слёзы лить. Грустно только, что единственный человек, которому можно довериться, рассказав о произошедшем в доме Аниной бабушки – мне теперь не поверит.

Увлечённо намывая всё, углубилась в свои мысли: однозначно без участия Аниной бабки дело не обошлось. Всё-та-

ки Сергей и Леонид как-то попадали в её дом, и началось это с той самой ночи – гадания. Что ей двигало? Зачем она пошла на подобное? И Аня, судя по всему, была в курсе дела, поэтому нет-нет да порывалась что-то сказать, но вечно проглатывала рвущиеся наружу слова под строгим взглядом бабушки. Может им денег больших пообещали за спонтанное развлечение? Гадко, но вполне возможно. Хотя и не верится, что пожилая женщина пошла бы на такое. Но не зря же говорят, что деньги не пахнут? Всё зависит от размера вознаграждения. И судя по дачке и машине, не знаю уж как Сергей и рыжик, а Леонид далеко не беден. Вот и бесится с жиру видимо. Одни миллионы в казино сливают, другие, в безумно дорогих ресторанах, где стакан сока стоит как половина папиной квартиры, а третьи, возможно, ищут таких вот эксклюзивных развлечений.

– Уегозила, егоза, – беззлобно пробурчал, вошедший в общую комнату дед Степан. – Ох ты ж, хозяйюшка! – поцокал он языком, оглядываясь по сторонам. – У меня такой красоты уже лет пять не было, если не больше, – говорит.

В раздумьях, я и не заметила куда делась сидевшая, тихо словно мышка, Надюха. А вот же, судя по словам хозяйина убежала уже куда-то. Ну да и ладно, потом всё равно как на духу всё выложит.

– А как же дети ваши? – интересуюсь, недоумеваю, неужто приезжая не помогают.

– А что дети? Приедет дочка летом на выходные пару раз,

мне и то в радость, — отмахнулся дед. — У них работа. Да и отдыхать на морях любят, а не тут.

— Так вы что ж, почти весь год один здесь живёте? А в город к себе не зовут?

— Что я в этом их городе не видел? Съездил как-то. Чуть не задохнулся. Не-е-ет, вам молодым того не понять, а нам — старикам, воздух свежий нужен и покой.

— Тяжело ведь хозяйство держать, — говорю.

— Да как тебе сказать? — пожал плечами старик. — Это раньше тяжко было, когда сами дрова кололи да сено косили, ну и полон двор живности был. А сейчас, пенсия хоть и невелика, но с того же молочка кой-какая копейка капает, вот и стал я всё готовое покупать: и дрова, и сено, и картоху, и яйца с мясом. Не поднимается у меня рука свою Бурку и Ночку продать или под нож пустить. А так, вроде и не сложно. Знай себе воды налей вовремя да кормов задай, сена свежего на подстилку кинь, ну и Ночку подоить остаётся. А выгребать всё, это мне уже не под силу, да-а. Так мне хлопец соседский помогает. Не за дарма конечно, но и так больно хорошо.

Дедок что-то дальше о жизни своей деревенской рассказывает, но я слушаю в пол-уха, гадая: куда ж Надьку унесло? Ждать ли её к ночи или она где-то там, со свои суженым, справлять будет. Неприятный осадок на душе от этих мыслей остаётся. Будто предала она меня. Хотя... не имею я права подругу винить, она ж не в курсе о моих проблемах. Но всё

равно, обидно настолько, что плакать хочется...

– Что-то совсем ты раскисла, – тронул меня за плечо хозяйин. – Хватит уже намывать всё и так уж блеснит. Да и ужинать пора. Где-то твоя подруженька загуляла? Никак жениха в наших краях сыскать успела?

Я лишь плечами пожала в ответ. И ведь не вру – действительно не знаю. Одни догадки и предположения.

– А правда, что Клавдия Федотовна ведьма? – спрашиваю.

– Ах-ха-ха-ха!!! – разразился каким-то каркающим смехом дедок. – Ох уморила, девка. Федотовна – ведьма! Кто ж тебе такое сказал-то?

– Да так, – пожала плечами я. – Никто собственно и не говорил. Просто Анька, когда мы сюда ехали намекнула, мол, её бабушка толк во всяких гаданиях знает. Вот я и подумала.

– Ну в гаданиях на деревне каждая вторая баба толк знает, – усмехнулся старик. – Да и какая из неё ведьма, если она всю жизнь в садике с детишками проработала. Ну-у-у... Это пока у нас вообще садик был, – вздохнул он.

– Хм... Не думала, что она с детьми работала, – отозвалась я, в надежде узнать побольше.

– Работала, да, – покивал дед. – Начинала с простой нянечки, училась, в город на сессии ездила. Потом воспитателем была, потом заведующей, и так постепенно до директора дошла. Но всё равно одну группу всегда сама вела. Любила она деток, и без них жить не могла. А когда союз развалили, она все инстанции прошла с челобитными, чтобы са-

дик сохранить. Ещё и помощь из города выбить умудрилась: детскую площадку какой-то меценат или как-там называется... в общем, богатей, какой-то построил. Прямо диво. Сейчас мало что от неё осталось, что не своровали, то сломали. А тогда, туда все от мала до велика бегали. Кто покататься, кто просто посидеть да поглазеть.

– И не подумала бы, – бормочу.

Вот не укладывается у меня в голове эта картинка: человек всю жизнь, посветивший детям, а на старости лет, ведь ей сейчас не меньше семидесяти, так вот с чего бы ей вдруг столь грязным сводничеством на старости лет заниматься? Явно я что-то недопонимаю в этой истории.

И в этот момент в дом впорхнула разбурлявшаяся, сверкающая горящими глазами Надька.

– Ки-и-ир... – тут же заканючила она, и этот якобы несчастный голос, совершенно не вязался с её не в меру счастливой внешностью. – Нас пригласили Новый Год встретить у Леонида.

Меня аж передёрнуло от перспективы провести ночь в доме блондина. Упаси бог от такого счастья. Взглянула на опечаленного этими новостями деда Степана. Схватила за руку ничего не понимающую подругу и потащила в выделенную мне комнату.

– Ты чего? – выдёргивая из захвата свою руку, воззрилась на меня Надька.

– Это ты чего?! – не осталась я в долгу, но старалась

не кричать, чтобы хозяина ничем не дай бог не обидеть. — Нас уже пригласили на Новый Год, если ты не заметила. Приютили, дав возможность справить праздник в уюте деревенского домика, а не в опостылевшей комнате в общежитии! И тут ты заявляешься и сообщаем, что нас куда-то ещё приглашают? Ты о деде Степане вообще подумала? Человек без общения чахнет...

— То есть, ты не пойдёшь? — подруга вынесла из моего монолога самое главное.

— Нет, конечно!

— Ну как знаешь! — чуть ли не выплюнула она и развернувшись, хлопнула дверью у меня перед носом.

Какое-то время я стояла словно оглушённая. Вот и что это только что было? Да, могу понять, что у подруги вспыхнул бурный роман, но, ей раньше было не свойственно, вот так с пол-оборота заводится.

Постояла я немного, приходя в себя, да и вышла в общий зал. Степан, ссутулившись сидел за столом возле окна и смотрел на дорогу.

— А ты-то чего не поехала? — пробурчал он.

— Не хочу, — просто ответила я.

— Ежели из-за меня, то зря. Кто я тебе? А там женихи видные, авось бы и сладилось что.

— Ой! — отмахнулась я, усаживаясь напротив него. — Тех женихов в городе, вагон и маленькая тележка, — говорю. — Это тут они невидаль великая. И вообще, мы ужинать будем?

А-то собирались-собирались, у меня уже в желудке урчит, – сменила я тему.

Степан с недоверием кинул на меня взгляд, улыбнулся в усы и уже более жизнерадостно, произнёс:

– А что уж тут ужинать? Время позднее, в самый раз на стол накрывать да Старый Год провожать.

Так мы и поступили. Быстро достали всякую всячину к празднику подготовленную. Разложили за неимением вазочек по мискам и тарелкам. Нарубили бутербродов с колбаской и красной рыбкой, икру открыли. Ну прямо загляденье! Даже фужеры под шампанское нашлись, а то я уже думала будем пить из гранённых стаканов или чайных чашек.

Спустя полчаса суеты, мы уже сидели за столом, смакуя салатики и уплетая разогретое – горячее.

– Не знаю я толку в этих ваших винах, – бормотал хозяин дома, неумело вывинчивая пробку из бутылки с игристым вином. – Но ради такой компании, выпью. Так-то у меня бутылочка водочки припасена была...

Выпили мы за уходящий год. Помянули вкратце свои былые беды и несчастья, пожелав им остаться в прошлом. Собеседником Степан оказался хорошим: слушал внимательно, сопереживал, и главное – не перебивал. А мне после краткого экскурса в мою прошлую жизнь, аж как-то легче стало. Вот только о случившемся в доме его знакомой, язык не повернулся поведать. Только и упомянула об утренней сцене, о которой он и так уже был наслышан ранее от нас с преда-

тельницей Надькой.

– Как-то там, Федотовна, – посокрушался дедок. – Дай-то бог, чтобы выходили её.

– Угу, – только и смогла отозваться я, делая вид, что старательно обгладываю запечённое свиное рёбрышко.

Потом, мы и хорошее, конечно же, припомнили, хотя это-го и у него, и у меня накопилось за минувший год не так уж и много.

– А ты, стало быть сиротка теперь? – сделал вывод из моего короткого рассказа дед.

– Ну... да, – киваю. – Выходит, так. Мачеху как-то язык не поворачивается роднѐй обозвать.

– Вот же жизнь какая бывает, – вздохнул Степан. – А давай ещё разок за светлое будущее выпьем? Уж больно вкусная штучка у тебя, – покосился дедок на почти опустевшую бутылку.

Выпили мы раз. Потом ещё бутылку откупорили. Так незаметно и полночь приблизилась. Хозяин дома что-то там пошаманил возле телевизора с какой-то хитрой установкой служащей усилителем сигнала, и наконец-то на экране появился толкающий ежегодную речь президент. Так и не допив вторую бутылку, под бой курантов успели откупорить ещё одну, чтобы традиции соблюсти. Я даже желание успела загадать, а потом... Потом хозяин меня шокировал предложением:

– А давай ты мне внучкой будешь? Ты одна, я почти один.

Сын с семьёй лет десять носу не кажут. За границей живут, – пояснил дед. – Ну а дочка с внуком, пару раз в году навещают из-под палки. А ты приезжать будешь на каникулы. Вот что тебе в городе летом делать? А тут и речка недалеко и озеро есть. Дом у меня большой, сама видишь, не потеснишь. В августе за грибами и ягодами в лес ходить будем. Варенья наварим...

– Э-э-э... – опешила я, но решила подыграть, считая это болтовнёй подвыпившего старика. – Заманчиво, конечно. Но как же так-то? Что люди скажут? Да и ваша дочка вряд ли обрадуется.

– А кому дело до того на деревне есть? Федотовне вот разве что. Но та поймёт. Она баба умная, дай бог ей здоровья. А дочка? – дед вздохнул. – Ей только проще будет, коли надобность отпадёт лишний раз в такую даль таскаться. Я ж вижу, что в тягость ей эти поездки, оттого и не часто гостит. А как приедет, норовит следующим днём обратно в город смыться. Говорит, неудобно ей тут: ни ванны нормальной нет, ни телевизора с всякими там каналами, а внуку тоже без этих ваших мобильных да интранатов туго живётся.

– Интернета, – автоматически поправила я его, а тот лишь покивал соглашаясь.

Посидели мы какое-то время за душевными беседами, слушая Новогодний концерт по телевизору. Я уже начала носом клевать, когда дед спросил:

– Дом, наверное, открытым придётся оставить, – гово-

рит. – Вдруг гулёна вернётся?

– Вот как вернётся, так в окно и постучит, – буркнула я, мысленно отрециваясь от возможных ночных посетителей.

– Ну можно и так сделать, – легко согласился хозяин дома и вышел в сени, откуда тут же послышался звук задвигаемого засова, а у меня аж от души отлегло.

Глава 9 Видимость примирения

Зайдя в комнату, глянула на дверь и не сдержала горестного вздоха – никакого засова, щеколды, или хотя бы крючка на двери предусмотрено не было. Одно хорошо – дверь открывалась внутрь, а значит, если чем-то подпереть... Но и тут меня ожидало разочарование. Та мебель, которая здесь имелась либо была слишком лёгкой, либо неподъёмной, вернее, не сдвигаемой. В итоге, немного пометавшись по комнате, подставила стул, а на него водрузила найденное в дальнем углу, за шкафом, металлическое ведёрко. И поставила его так, чтобы в случае малейшего толчка в дверь, оное упало, наделав много шума. А для пущей эффективности, ещё и половичок в сторонку оттащила, рассудив, что так грохоту больше будет. Для успокоения души, ещё и оба окна проверила – заперты ли? Хотя, как иначе-то зимой? Но паранойя, она такая паранойя...

В эту ночь я буквально отключилась. Не знаю уж, что тому было виной, то ли предыдущие две почти бессонные ночи, то ли алкоголь? А может и всё вместе взятое. В итоге, ничто и никто меня не будил и продрала я глаза ближе к полудню. В комнате царил первозданный порядок, одежда вся была на месте, а моя баррикада нетронута. Наскоро приведя себя в порядок, прихватила зубную щётку и убрав с прохода стул с ведром, вышла в общий зал, где пила чай всё же вер-

нувшаяся домой Надька.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.